ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Ζευς

R.I.P.

Дмитрий КРАСЬКО

КОГДА УМИРАЮТ БОГИ

Дмитрий Красько
Когда умирают боги

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64348616

Аннотация

С воцарением христианства античные боги не канули в небытие – они сошли с Олимпа и стали жить среди людей почти обычной жизнью Время разбросало их по свету, но они жили, ибо боги бессмертны. Но так ли это на самом деле? Внезапно приходит весть о гибели Зевса, потом – Афродиты… И пятеро бывших олимпийцев, которых нити Мойры собрали было во Владивостоке, отправляются в путь – узнать, как получилось, что их бессмертные родственники вдруг умерли. Какие неведомые могущественные силы приложили к этому руку, если даже смерть богов стала возможной?! Но истина, которая и открылась, оказалась поразительно проста. И столь же поразительно беспощадна…

Содержание

Арес 4
Геракл 83
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Дмитрий Красько
Когда умирают боги

Арес

1

Я шел на Набережную, не совсем понимая, зачем, собственно, я туда иду? Накануне, после невероятно долгого перерыва, ко мне заявился Шустрый Гера и, привычно чаруя фальшивой улыбкой, сказал:

– Приходи, очень нужно. Там буду я и еще трое наших.

При этом он небрежно помахивал жезлом вестника, который для маскировки был переделан в легкую трость. Щеголь, да. Ему бы еще гангстерские усики и какую-нибудь шляпу «борсалино» – хоть сейчас в Америку времен сухого закона. Там такие щеголи на раз-два миллионными состояниями обзаводились. Ну, да Шустрому никакого сухого закона для этого не надо – он на ровном месте кого хочешь облапошит, а потом с круглыми глазами будет доказывать, что деньги в его кармане выросли сами собой, причем исключительно от сырости. А он – честный, благородный и вообще никого в жизни не обманывал. Пройдоха из пройдох. Но вестником

выбрали именно его.

Однако и слова, и небрежное помахивание жезлом – все это были очень слабые доводы. Что касается жезла, то я и в прежние времена был свободен от его влияния, а фраза «Там буду я и еще трое наших» за живое не задела. Я был не в восторге от его визита, а уж попытка соблазнить меня встречей еще с тремя подобными персонажами вообще отдавала слабоумием. С другой стороны, персонажей, подобных Шустрому Гере, в рядах тех, кого он отнес в разряд «наших», кажется, больше не было. От этого становилось легче, но не настолько, чтобы сломя голову мчаться на Набережную. Я две тысячи лет прожил, не видя и не слыша никого из «наших», и при этом очень даже неплохо себя чувствовал. Он стал первым обитателем Горы, кого я увидел за последнее время – и мое самочувствие резко ухудшилось. Странная взаимосвязь.

Я тоже в долгу не остался. Хмурое «Привет» да вялое рукопожатие – вот все, что нашлось у меня для вестника богов. Надеюсь, он остался не очень доволен оказанным ему приемом. Хотя вида не подал – типы вроде него никогда не выказывают разочарования. Невыгодно. И Гера продолжал сиять улыбочкой, хоть и понимал, что мы оба прекрасно знаем ей цену. Тем не менее, он умудрился убедить меня. О, это хитрющий лис!

Поэтому сейчас я и шел на Набережную, задаваясь вполне резонным вопросом – а зачем я туда иду?

Открытое кафе «Прибой» ввиду середины мая, пронизывающего сырого ветра со стороны залива да разгара рабочего дня пустовало. Крайний столик – не угловой, потому что углов на пирсе, где располагалось кафе, попросту не было – занимали четыре серьезные персоны. Каждая из которых была с легкостью опознана мной, несмотря на то, что с нашей последней встречи прошло почти два десятка столетий.

Шустрый Гера, с которым я уже встречался, сидел с краю. Даже в это утреннее время у него был такой вид, будто он только что придумал абсолютно безопасный и стопроцентно выполнимый способ украсть миллион, и теперь сам восхищался своей изобретательностью.

Большой Гера сидел, привольно откинувшись на спинку скамьи, и его небольшая курчавая борода огненно-рыжего цвета весело топорщилась во все стороны. Большой Гера пил пиво прямо из двухлитровой пластиковой бутылки и был счастлив, что он есть, что он такой большой и сильный, и что он пьет пиво.

Напротив него расположился Прометей. По факту, он был выше и шире в плечах, чем Большой Гера, но, изможденный и сутуловатый, выглядел довольно невзрачно на фоне мощной мускулистой фигуры своего дальнего родственника.

Председательское место, само собой, досталось Афине. Как всегда, холодная и неприступная, с прямой до невозможности спиной. Мне почему-то вспомнились британские дамы времен королевы Виктории и лозунга «Леди неподвиж-

на». Впрочем, строгости осанки Афина училась не у них – она всегда отличалась высокомерием и несгибаемостью. Во всех смыслах. Даже когда ее обожаемые Афины были принуждены ползать на коленях перед Спартой, Филиппом или римлянами.

На плече Афины, как я не без удивления отметил, сидела привычная сова. В отличие от хозяйки, совы не были бессмертны, но, со смертью предыдущей, Афина где-то быстренько добывала себе новую. Видимо, ее божественная сущность проявлялась даже в этом – не проходило и нескольких часов, как на ее плече спокойно восседала очередная питомица, лишь время от времени подслеповато помаргивая. Что выглядело довольно глупо – за долгие тысячелетия я так и не смог уяснить, чего ради сова стала для греков символом мудрости. Впрочем, как и змея. На мой взгляд, если кто из зверей и достоин символизировать мудрость – так это странное существо ленивец. Потому что полная адаптация и минимум лишних движений. Совершенство.

В прежние времена Афина и змей таскала за собой. Нынче, однако, я таковых рядом не приметил. Наверное, побоялась травмировать слабую психику людей, с которыми волей-неволей приходилось общаться. Дама со змеей – это, по нынешним временам, серьезная экзотика. От которой с некоторыми даже истерика может приключиться. Хотя дома ее вполне мог дожидаться целый серпентарий – Афина была страшно привязана к традициям. Допускаю, что за две тыся-

чи лет она даже сумела сохранить все свои атрибуты, включая доспехи, шлем и даже щит с головой Горгоны. И пусть за столом восседала без них, но дома-то, рядом со змеями, места вполне хватало. Почему нет? Дом – хранилище вместительное, туда много всякого хлама притащить можно.

Но была в ее облике и серьезная уступка прошлому – не считая совы, конечно. Прическу она себе сделала, по нынешним меркам, весьма необычную. Хвост густых волос шел от затылка ко лбу – точь-в-точь, как на коринфских шлемах. Издалека, да после хорошей попойки, такую конструкцию можно было принять за панковский ирокез, но вблизи, на трезвый взгляд, все выглядело весьма мило. Даже я вынужден был признать это, не являясь ни поклонником Афины, ни любителем шлемов вообще и коринфских – в частности.

Неторопливо подойдя к столику, я поднял руку в приветствии:

– Замечательная встреча. Может, кто-нибудь объяснит, как пятеро олимпийцев умудрились собраться за тысячи километров от Олимпа, во Владивостоке? Только не говорите, что все это ради меня.

– Не льсти себе, – холодно обронила Афина. – Просто город у моря. Привычная среда обитания. Мы переезжали сюда независимо друг от друга.

– Нас здесь вообще должно быть шестеро, – Геракл глотнул пива и сопроводил все это мощной рокочущей отрыжкой. – Артемида тоже сюда перебралась. Но ты же ее знаешь

– ушла в тайгу. Гермес не смог ее найти. Привет, Арес.

– Привет, – я кивнул. Пожалуй, с ним, да еще с Прометеем действительно стоило повидаться. Даже несмотря на то, что с Гераклом во времена оные у меня случались весьма интересные стычки. Однако он о них быстро забывал, поскольку – явление для родичей Зевса почти исключительное – был абсолютно незлопамятным. Ну, подрались – и подрались. Чего между двумя мужиками не бывает? Я на него тоже зла не держал – Большой Гера был довольно пустоголовым малым, и этим частенько пользовалась Афина, науськивая его на меня. А потом исподтишка помогала в бою. Такая уж натура была у этой богини мудрости и справедливой войны.

Что до Прометея, то с ним у меня вообще размолвок не случалось. С ним кому угодно было очень трудно поссориться. Это умудрялся регулярно делать, кажется, только Зевс. Конфликтов с другими обитателями Горы я, даже наморщив лоб, не припомню. К тому же его с Гераклом объединяла одна общая черта, которая мне импонировала – отсутствие напыщенности. Пока большинство олимпийцев надувало щеки и делало людям – а заодно и друг другу – разные пакости, доказывая, что с богами шутить нельзя, а они есть самые-рассамые боги, Геракл неторопливо накачивался вином. Ему, по большому счету, было плевать, что он бог. Так же, как прежде было плевать, что он всего лишь человек. Потому что в первую очередь он был Гераклом. Большим, сильным и добродушным. Хоть и недалеким.

И Прометей в первую очередь был Прометеем. Он все время тетешкался с людьми, словно добрая нянька с маленькими карапузами. Впрочем, люди тогда и были лишь маленькими карапузами. В качестве развивающей игрушки он подарил им огонь, который хитро спер у Гефеста – и жутко разозлил своего царственного кузена. Зевс осерчал так сильно, что сослал Прометея на Кавказ аж на две тысячи лет – с тем, чтобы к нему, прикованному к скале, каждый день прилетал орел и склевывал печень. В итоге орел сдох от ожирения, Прометея расковали и разрешили вернуться, а я с тех пор его сильно зауважал – не каждый способен рискнуть своей печенью, заранее зная, что проиграет. Впрочем, оставался открытым вопрос – а согласился бы Прометей на риск, будучи предупрежден, что проиграет печень не единожды, а ежедневно в течение двух тысяч лет, сколько, бишь, раз это будет? Я думаю, что да, согласился бы. Потому что даже после возвращения из ссылки он не перестал быть Прометеем, хоть и ходил некоторое время скособочившись.

Собственно говоря, не прочь я был бы повидаться и с Артемидой – в своем отвращении к интригам, царившим на Олимпе, мы с ней были единодушны. Она в знак протеста все свое время проводила в тогда еще девственных лесах Греции, появляясь на Горе лишь для того, чтобы сквозь зубы засвидетельствовать почтение папеньке и маменьке, а я, хоть и оставался обитателем Горы, так и не смог стать полноправным олимпийцем.

– Рад тебя видеть, – проговорил Прометей и вытянул руку в направлении скамьи: – Присаживайся. Нужно обсудить серьезную проблему.

Я воспользовался предложением, но не преминул отметить:

– Что серьезную – это я понял. Иначе зачем вам приглашать меня, иноземца, на эту встречу?

– Никак обида не уляжется? – кривовато усмехнулась Афина. – Впрочем, ты всегда был злопамятным.

– Какую обиду ты имеешь ввиду, и при чем здесь злопамятность? – усмехнулся я в ответ. – Того факта, что я чужеземец, никто изменить не сможет, и обижаться тут глупо – это раз. Два – вы сами всегда старательно напоминали, что я не вашего роду-племени. А три – я тоже не особенно стремился влиться в ваши славные ряды. Ты до сих пор не поняла, что в моем положении была куча преимуществ? Вам приходилось все свои дела делать, оглядываясь на Старика – вдруг ему что не по нраву придется? А я в это время говорил, что думал и делал, что хотел. Меня, правда, за это записали в буйные неадекваты, но, ради свободы действий, такое мелкое неудобство можно перетерпеть.

– Ты тоже со своей свободой старался за рамки не выходить, – хитро прищурился Шустрый Гера. – Чтобы Старик в тебя ненароком молнией не запустил.

– Не запустил бы, – я покачал головой. – Ты это сам прекрасно знаешь. Я после Горы все время, почти две тысячи

лет, гадаю: почему он ничего со мной, таким плохим, не сделал. Ему просто нужен был гадкий бог, козел отпущения, на которого можно свалить все. Мол, смотрите – вот он: своевольничает, ввязывается в войны и развязывает их, когда ему заблагорассудится. Он и есть бог плохой войны, и на нем вся ответственность за ваши страдания и гибель в сражениях. А мы, остальные – хорошие, мы ведем правильные войны и за нас можно и нужно умирать. Хотя вы, «правильные» боги, вели себя ничем не лучше меня, а частенько и хуже. Вам ли не знать? Поэтому я и оказался на Горе. Поэтому он и не испепелил меня. Ведь в таком случае пришлось бы искать другого кандидата на роль плохого бога, и нет гарантии, что этот бог действительно не оказался бы плохим. Видимо, я с самого начала был не самым худшим вариантом, раз его выбор пал на меня.

– Хватит спорить, – с досадой бросил Прометей. – Зачем старые обиды ворошить? Все давно в прошлом. Мы собрались здесь, чтобы решить одну на всех проблему. Так и давайте ее решать.

– Это правильно, – прогудел Большой Гера и вскинул вверх руку, сжимавшую бутылку с пивом: – Я голосую «за».

– Я тоже «за», – сказала Афина. – Хотя и была против того, чтобы приглашать Ареса. Но, раз уж он здесь – давайте сообща думать, что нам делать.

– Если все «за», то и я «за», – легкомысленно прощебетал Шустрый Гера. Кто бы сомневался. В таких делах он все-

гда следовал за большинством. Он только аферы в одиночку проворачивал, чтобы прибылью не делиться.

– А я вашу идиллию нарушу, – едко заявил я. – Потому что не знаю, о чем речь, и «за» голосовать не собираюсь. Но, если кто-то посвятит меня в общую тайну…

– Речь идет обо всех нас, олимпийцах, – резко проговорила Афина. – Похоже, над нами нависла серьезная опасность.

– И в чем она заключается?

– В чем она заключается – неизвестно, но она есть.

– Паникерство, – не без злорадства отмаетил я. – Опасная штука. Прямой путь к поражению.

– Это не паникерство!

– Тогда что это? Мы имеем: твое заявление об угрозе для всех-всех, и… И все. Больше ты меня ничем не порадовала. Из этого следует только один вывод: тебя что-то напугало, и ты ударилась в панику. Или я что-то пропустил?

– Ты ничего не пропустил, – снова заговорил Прометей. – Просто Афина не все сказала. Или, вернее, не с того начала. Наверное, от волнения.

– Наверное, – язвительно согласился я. – Она, как меня увидит, всегда волноваться начинает. Полагаю, какое-то неразделенное чувство. Так что лучше начни ты. С того, что сам считаешь самым важным.

– Два месяца назад в Афинах убили Старика.

На такое заявление я не нашелся, что ответить. Да ответа и не требовалось. Новость действительно ошеломляла. Труд-

но было представить, что могучий Зевс, Громовержец и прочая, наводивший ужас на всю Элладу, а под именем Юпитера – и на всю Империю, может умереть. Мне он был никто – не отец и даже не злой отчим, просто глава клана, в составе которого я, по странному стечению обстоятельств, оказался. Но за долгие тысячелетия я привык, что во главе этого клана стоит именно он. Этот факт въелся в кожу, сросся со мной намертво. Даже семнадцать с лишним столетий, истекшие с той поры, как олимпийцы начали покидать Гору и клан практически распался, положения вещей не изменили. Где-то глубоко в подсознании клан продолжал существовать, и во главе его все так же стоял угрюмый седобородый старик. Которого, оказывается, уже два месяца, как не было в природе.

Разобравшись с накатившими эмоциями, я посмотрел на Прометея и, осторожно подбирая слова, заметил:

– Теперь ваше беспокойство более или менее понятно. Но это все равно не повод для паники. Боги ведь тоже смертны. Я сейчас никому тайны не открыл? Мы ведь все об этом прекрасно осведомлены, правда? Такое и раньше случалось.

– Раньше времена были другие, – резко возразила Афина. – Более бурные и насыщенные. И потом, когда это происходило, другим заранее было известно, кто, за что и каким образом. А если на то хватало могущества Горы, то боги воскресали. Только Гора давно стала просто горой, никакого могущества в ней больше нет и, умерев, мы уже не воскрес-

нем. Так почему Зевса убили именно сейчас? Ведь до нас, по большому счету, никому дела нет?

– А вы уверены, что его именно убили?

– Его нашли на лужайке перед домом с пулей в голове. Стреляли из охотничьего ружья. Ни в самом доме, ни у соседей охотничьего оружия нет.

– Довольно глупо, – заметил я. – Профессиональные убийцы охотничьим оружием не пользуются. Шуму много, а преимуществ никаких. С нарезным и проще, и незаметнее.

– Значит, это был непрофессионал! – сварливо отрезала Афина.

– Позвольте, я продолжу? – Прометей поднял руку в останавливающем жесте. – Нам сейчас, на самом деле, неважно – стрелял в Зевса профессионал или его в гневе порешил чей-то обесчещенный супруг. И то, и другое в равной степени возможно. Но мы не будем останавливаться на этом, Арес. Месяц назад в Чикаго, в США, был убит Аполлон.

Я нахмурился. Убийство Зевса, конечно, плохо укладывалось в голове. Но оно, во всяком случае, было объяснимо – Старик имел вздорный характер и неконтролируемое либидо. В этом Прометей был прав – его вполне мог расстрелять какой-нибудь рогатый муж в приступе справедливого негодования. Но за что убивать Аполлона? Этот дурачок, наделенный необыкновенной мужской красотой, был настолько влюблен в себя, что никому не мог причинить вреда. Он ни с кем не ссорился, потому что мало с кем общался, почитая

единственно достойным себя обществом – свое собственное. Он никогда никого не соблазнял, – и никогда никем не был соблазнен, – потому что единственным существом, достойным его любви, пусть даже только плотской, в его глазах был он сам. Слухов о его победах на любовном поприще – как над мужчинами, так и над женщинами – ходило множество, но большинство из них распускали сами «побежденные». Очень уж хотелось причаститься величайшей красоты солнцеокого. Впрочем, может быть, несколько раз у него и были с кем-то контакты близкого рода – с этим я спорить не буду, ибо никогда к слухам не прислушивался и уж тем более не собирался проверять их достоверность. Но одно могу сказать наверняка – даже отдаваясь кому-то (вариант, кажущийся мне наиболее вероятным, особенно учитывая количество увивавшихся за ним юнцов), либо принимая тех, кто ему отдавался сам, Аполлон делал это, любуясь только собой. Такое уж он был создание. Полная противоположность своей сестре-близняшке Артемиде.

Из ступора самолюбования на моей памяти он вышел лишь раз – когда во время осады Трои решил примкнуть к дядюшке Посейдону, а также ко мне и Афродите. Но и это он сделал не по своему почину, а, скорее, под влиянием сестры. Да еще потому, что все боги так или иначе были задействованы во время той войны, и оставаться в стороне для него значило потерять лицо. А он не хотел терять свое такое красивое лицо. Вот и примкнул. Но поиграть мускула-

ми, которые у него были весьма и весьма (но не такие, как у Геракла, а по-женски сглаженные) при всех ему не привелось. Хитрая Афина, видя, что ее обычные интриги не помогают и Троя падать ниц не собирается, придумала деревянного коня. Аполлон, быстро сообразив, куда дует ветер, сбегал в противоположный лагерь и договорился о перемирии себя с ними. Еще до того, как наступила развязка, он был на Олимпе, предаваясь любимому занятию – самолюбованию. После этого случая я предложил добавить к его многочисленным титулам новый – титул бога онанизма. Правда, кроме циника дядюшки Посейдона, который по случаю падения Трои и, значит, собственного поражения, выбрался на Гору, мое предложение никто не оценил. А Посейдон еще долго веселился, и от его буйного хохота море тоже разбуянилось и изрядно потрепало флот ахейцев, возвращавшихся из под стен разрушенного Иллиона. А люди решили, что дядюшка гневается. Да ничего подобного.

В общем, убивать Аполлона было глупо и, собственно, не за что. Я, во всяком случае, не мог назвать ни одной причины, как ни напрягал голову.

– Чтобы ты опять не вздумал сомневаться, что это убийство, я тебе сразу скажу, что по этому поводу двух мнений быть не может, – заявила Афина. – Его нашли утром в криминальном районе с многочисленными ножевыми ранениями и пробитой головой. Ни денег, ни ценных вещей при нем не было. Явное разбойное нападение с летальным исходом.

– Бедный глупец, – грустно заметил Прометей. – Он был слишком зациклен на самом себе, чтобы сообразить, что происходит вокруг. Если бы он хоть на минутку отвлекся от самолюбования, то понял бы, где живет, и что ходить одному ночью по такому кварталу не стоит. Удивляюсь, как его раньше не убили.

И снова он был прав. Я этот момент как-то упустил из виду. Аполлон был абсолютно безвреден для окружающих – это верно. Зато окружающие вполне могли нести потенциальную угрозу для него. В гетто не любят смазливых юношей с манерами педерастов, а именно это всегда отличало Аполлона.

– Все равно непонятно, – тем не менее, возразил я. – С чего вы решили, что опасность угрожает всем олимпийцам? И не только олимпийцам, если исходить из присутствия здесь Геракла и Прометея. Мне эти два убийства совсем не кажутся взаимосвязанными. Скорее, случайное совпадение.

– Ты сам веришь в то, что сказал? – Афина презрительно посмотрела на меня.

– А я не могу верить или не верить. Я не был ни в Афинах, ни в Чикаго. Не видел ни одного из мест происшествия. Поэтому могу полагаться только на то, что услышал. И мне кажется, – заметь, я говорю «кажется», – что эти два случая между собой никак не связаны. Разный почерк, разные персонажи, разные мотивы. Даже континенты – и те разные. Хотя последний фактор в наше время ни о чем не говорит.

Просто две нелепые трагические смерти, совпавшие по времени, не более. Но ведь мы здесь все знаем, что такое бывает. Мойры очень изобретательны и в этом смысле обладают тонким эстетическим вкусом.

– Все верно, – согласился Прометей. Геракл, допивший пиво, выбросил пустую бутылку в урну и отправился за следующей. Ему было неинтересно то, что собравшиеся хотели сообщить мне – он все это знал. Еще менее ему было интересно слушать результаты наших умствований – как мыслитель он был слаб и не любил загружать голову лишней работой. – Эти два происшествия сошли бы за случайное совпадение, если бы не одно «но». На прошлой неделе в Мельбурне была убита Афродита.

– Бред! – вырвалось у меня. Если Аполлон был личностью до крайности аморфной, на внешние раздражители практически не реагирующей, но и негативных эмоций почти не вызывавший, то Афродита, обладая последним качеством в не меньшей степени, на внешние раздражители – сиречь людей – реагировала бурно и однозначно, вызывая всеобщую любовь. И, главное, щедро отвечая на нее своей собственной. Причем, Пенорожденной было все равно, на чьи чувства отзываться – мужчины или женщины, старика или юнца, который только-только осознал, для чего ему природа между ног сардельку приделала. И вот кому понадобилось убивать ее, если даже обманутые жены, вместо того, чтобы враждовать, становились ей любовницами?

– Бред, – согласился Прометей. – Вряд ли среди людей найдется хоть кто-то, кто смог бы поднять на нее руку. Тем не менее, она убита. Справедливости ради отмечу, что ее смерть больше, чем две предыдущих напоминает несчастный случай. Ей в висок угодил мяч от гольфа, когда она принимала солнечные ванны, сидя в шезлонге у бассейна. Она упала и раскроила о гранитный вазон другой висок. Но согласись, что, если две смерти – Зевса и Аполлона – еще можно принять за случайное совпадение, то три, последовавшие одна за другой, совпадением назвать крайне сложно.

– Пожалуй, можно попробовать согласиться, – я решил слегка сдать позиции. – Поэтому вы и решили, что опасность угрожает всем, кто так или иначе связан с Олимпом?

– Да, – хмуро сказала Афина.

– А почему до сих пор не разобрались, кто убил их? Зачем было выжидать столько времени, к тому же звать меня?

– А как бы мы разобрались во всем этом? Мы тоже не были ни на одном из мест преступления.

– Не совсем понял, – я недоверчиво посмотрел на нее. – Вы так хорошо осведомлены о подробностях, и хотите сказать, что не побывали нигде?

– Не побывали, – заверила она. И с досадой поправилась: – Вернее, я опять не так выразилась. Просто однажды мы почувствовали, что не стало Старика. Потом – Аполлона. Ты же знаешь – мы можем чувствовать друг друга. И даже определять примерное местоположение. Жалко, что не совсем

точное. Наверное, поэтому и собрались во Владивостоке в таком количестве – в глубине сознания хотели быть ближе. Но я отвлеклась. Потом исчезла Афродита. Мы с Гермесом сумели разыскать друг друга здесь, и Гермес побывал в Афинах, Чикаго и Мельбурне. И скупил там все местные газеты. Это было самым простым и быстрым способом узнать, что произошло. А, узнав, мы решили, что неплохо было бы собрать военный совет с участием всех, кто находится в пределах досягаемости. И, коль скоро во Владивостоке нас собралось целых шестеро, то совет проходит здесь и сейчас. – Наблюдая за ней во время этого монолога, я не без удивления отметил, что она, собственно, тоже женщина, а не то колючее, надменное и погрязшее в интригах создание, что запомнилось мне со времен Горы. Видимо, неожиданно вставшая перед всеми неразрешимая загадка заставила даже ее отбросить то искусственное, во что она укутывалась долгие тысячелетия, вынужденно неся бремя девы-воительницы. Да еще в таком не самом здоровом с моральной точки зрения обществе, каковое представлял собой Олимп. А может, поспособствовало и двухтысячелетнее пребывание среди людей. Адаптация, знаете ли. – К сожалению, Артемиду отыскать не удалось. Видимо, шляется сейчас где-то со своими любимыми оленями и тиграми.

– Ланями и львами, – ностальгически закатил глаза вернувшийся с новой порцией пива Геракл.

– Если ты найдешь мне во всем Приморье хоть одного

льва, – категорично проговорила Афина, – я живьем съем мою сову.

– Это я Грецию вспомнил, – успокоил ее Большой Гера, но сова тревожно кулдыкнула и на всякий случай перелетела с правого плеча Афины на левое. Хотя в качестве защиты от поедания этот маневр никуда не годился. Впрочем, я уже говорил, что не понимаю, почему она стала символом мудрости.

– Не надо вспоминать Грецию, – отрезала Афина, снова ставшая сама собой – вернее, той, какой ее все из нас помнили. – Греция осталась далеко. И в прошлом, и по километражу. Нам сейчас нужно определиться, что делать дальше. Каким образом избежать других смертей.

– Предупредить всех нужно, – сказал Шустрый Гера. Самое ожидаемое предложение с его стороны. Кому, как не ему, Вестнику Старика, могла прийти в голову эта мысль? Тысячелетиями проживая на Олимпе, он отыскивал тех, кого поручал найти Зевс, и передавал им то, что поручал передать Зевс. Мальчик на побегушках. Правда, не у кого-нибудь – у самого Громовержца.

– Зачем? – резко спросил я.

– Что ты имеешь в виду?

– Зачем предупреждать их об опасности? Если вы можете чувствовать друг друга, значит, все уже знают, что Зевса, Аполлона и Афродиты больше нет. Спорю – они пришли к тем же выводам, что и вы?

– Они не знают подробностей, – возразила Афина.

– Для того, чтобы насторожиться, подробности не нужны. К тому же обстоятельства смерти у всех троих разные. А при таком раскладе подробности только повредят, потому что каждый будет примеривать их на себя. Убийца же – если он есть – довольно умен и каждый раз изобретает новый способ устранить жертву. Поэтому, если я буду опасаться мяча для гольфа, пули или грабителей в темном переулке, меня очень просто будет отравить или подстроить автокатастрофу.

– Что ж, ты прав, – согласился Прометей. – Но нам все равно нужно что-то предпринять.

– Я не знаю, что вы могли бы предпринять, – честно признался я. – И я не знаю, как вы меня нашли…

– Я тебя тоже могу чувствовать, – Шустрый Гера скромно потупился.

– … и зачем вообще меня сюда позвали, – проигнорировав его признание, докончил я.

– Что значит – «зачем»?! – неприязнь Афины, которая на протяжении всего разговора ощущалась почти физически, растворилась в ее безмерном удивлении. – Ведь ты один из нас!

– Давно?

– Но ты все равно олимпиец!

– Брось! – я поморщился. – Никогда и никто из вас, родственников Зевса, не считал меня полноправным обитателем

Горы. Да это, наверное, так и есть. Я прожил среди вас долгие тысячелетия, но не научился чувствовать других на расстоянии. Я чужак. Я из Фракии. Я из другого Пантеона. Так что, говоря начистоту, ваши проблемы меня не касаются.

– Иными словами, ты думаешь, что убийца до тебя не доберется, раз ты не наш кровный родственник?

– Не самое тонкое замечание для богини мудрости, а? На самом деле мне все равно – доберется он до меня или нет. Я прожил огромную и, на мой взгляд, не самую плохую жизнь. Если мойры решат, что она должна закончиться – что ж, так тому и быть.

– Мойры определяют направление, а не путь, – мягко проговорил Прометей. – Только тебе решать, какой дорогой ты в этом направлении пойдешь. Выберешь ли разбитый проселок или великолепный автобан? А может, вообще предпочтешь идти пешком – через горы и овраги? Выбор за тобой. И уж тем более мойры не могут сказать, на каком километре своего пути ты закончишь движение.

– Угу, – проворчал я. – Они мне как-то об этом же толковали. Но мне все равно.

– Неужели ты ничего не понимаешь? – грозно нахмурилась Афина. Явно забыла, что мы восседаем не на Горе и она уже давно не зам Зевса по организационным вопросам. – Это люди, умирая, попадают в царство Аида и сохраняют надежду возвратиться под солнце. Богам такая роскошь недоступна. Умирая, мы исчезаем навсегда. Просто растворяемся во

Вселенной.

– Я знаком с этой информацией, – я скупо улыбнулся. – Но не вижу, как это согласуется с тем, что я должен участвовать в решении вашей проблемы.

– И после этого ты удивляешься, что на Олимпе тебя считают чужаком?

– С чего ты взяла, что я этому удивляюсь? В конечном счете, я сам всегда старался сохранять дистанцию и не слишком сближаться с вами, чтобы не потерять право на собственное мнение – только что говорил об этом, забыла, что ли? Но пока я еще могу распоряжаться собой. А потому разрешите откланяться.

Я поднялся и действительно склонил перед ними голову. Просто жест вежливости, не более.

– Не зря я была против того, чтобы приглашать тебя, – в ярости прошипела Афина.

– Прометей, Геракл, – я проигнорировал ее выпад. – Рад был с вами повидаться. Берегите себя. Мне будет очень жаль, если убийца доберется и до вас. Если, конечно, какой-то убийца действительно существует, а не является плодом фантазии… – и я многозначительно посмотрел на Афину. Та вспыхнула и открыла было рот, но так ничего и не сказала – Большой Гера, сам того не заметив, перебил ее и поставил точку в нашей беседе:

– Ты тоже себя береги.

Он выглядел весьма кисло. Ему не понравилось, что

встреча завершилась безрезультатно. Даже пиво сделалось вдруг не таким вкусным. Но повлиять на ситуацию он, увы, не мог.

2

Возможно, постороннему мое поведение могло показаться странным. Посторонний, возможно, решил бы даже, что я струсил. Однако мое знакомство с нынешними собеседниками длилось не одну тысячу лет, и можно было с уверенностью сказать, что они подобных глупых выводов делать не станут. На Олимпе я слыл кем угодно, только не трусом. Впрочем, от Афины порой можно было услышать и обратное мнение, но от нее в мой адрес вообще что угодно можно было услышать. Даже то, что моя постель заправлена бельем из кожи поверженных недругов. Она, интересно, сама пробовала спать на кожаной простыне, укрываясь кожаным одеялом? Ну да ладно. Я давно научился не принимать близко к сердцу ее выпады. Хотя порой сдержать себя бывало трудновато.

Гипотетический посторонний, опять же, вполне мог упрекнуть меня за то, что я самоустранился, оставив общую проблему ярмом висеть на шее соратников. На что я мог бы ответить этому гипотетическому, что, во-первых, проблему общей не считаю и вообще не очень уверен в существовании какого-то там убийцы; а во-вторых, называть кого-то из оби-

тателей Горы моими соратниками просто нелепо. Я всегда выпадал из обоймы, поэтому сейчас искренне не понимал, с чего вдруг им приспичило пригласить на совет меня, чужака. С Прометея взятки гладки – тот к ратным делам фактически никогда отношения не имел. А остальным? Что – всем сразу стратегическое чутье отказало? Воткнуть в тщательно подогнанный и четко работающий механизм чужеродную деталь – и ждать, что после этого механизм заработает еще лучше? Глупость. Согласись я на сотрудничество – и принесу скорее вред, чем пользу. Ко всему прочему, я всегда старался сам принимать решения, а они на это не пойдут. В первую очередь, Афина, которая с удовольствием заблокирует любое предложение, исходящее от меня. А я в отместку буду принимать в штыки все, что исходит от нее. Да, я могу быть мстительным. Трудно не заразиться этой дрянью, прожив столько тысячелетий на Горе.

Вот почему я не бросил все дела (которых, кстати, все равно не было) и не помчался сломя голову помогать олимпийцам. А отнюдь не из-за того, что своя рубашка ближе к телу. Что до рубашки, то я вовсе не рассчитывал избежать контакта с убийцей, если таковой существует. Это в компании олимпийцев я мог назвать себя чужаком. Или они меня. А для гипотетического постороннего я был вполне полноправным членом Пантеона. Ведь столько тысячелетий вместе со всеми ввязывался в разные авантюры и безумные предприятия – какой же я после этого чужеземец? Вместе с други-

ми обитателями Горы мужского пола не устоял перед чарами Афродиты и наставил рога Гефесту – да разве я чужеземец?.. Впрочем, нет. Последний довод никуда не годится. Афродита и на землю частенько спускалась, наслаждаясь обществом людей – как мужчин, так и женщин. К тому моменту, как я пал ее очередной жертвой, рога Гефеста достигли такого размера, что лично моя шея подобного давления точно не вынесла бы. Единственное утешение – под этой тяжестью он едва ли заметил, что я подкинул ему еще пару отростков. Но, в общем и целом, для убийцы я являюсь такой же мишенью, как и все, кто имеет отношение к Горе. Так что о рубашке, которая ближе к телу, больше ни слова.

Существовал убийца или нет, сказать с уверенностью было невозможно. Зато я наверняка знал, что вероятность его существования отрицать нельзя. Поэтому, вернувшись домой, первым делом занялся разработкой оборонительной стратегии.

На Горе меня частенько обвиняли в безрассудстве. Но это чушь собачья – безрассудные боги войны живут до первой серьезной заварушки. Потом, как правило, народ, что поклонялся такому богу, в полном составе перебирается в царство Аида, а сам бог распыляется по Вселенной, исчезая из памяти людской. Бывают исключения – когда встречаются два в равной степени безрассудных бога. Тогда в царстве Аида праздник – там отмечают новоселье сразу два народа.

Я же на оборонительные мероприятия никогда не смот-

рел свысока. Потому что, грамотно осуществленные, они являются альфой и омегой решительного и успешного наступления. В сложившейся же ситуации моя задача облегчалась еще больше. Я наступать не собирался. И, коль скоро обитель свою покидал крайне редко, оставалось лишь превратить ее в неприступную крепость. Плевать, что это будет выглядеть так, словно я сам себя заключил в блокаду. Я уже двадцать лет веду почти затворнический образ жизни – и еще не устал от него. Пусть с сегодняшнего дня это называется блокадой – я-то перемены не почувствую.

К тому же блокаду полной не назовешь – походы в магазин, к примеру, отменять никто не собирался. Погрызть краюху хлеба иногда хочется даже самым аскетически настроенным богам. Как обезопасить себя на время подобных вылазок, можно будет придумать позже. Пока же следовало заняться квартирой.

Первым делом я установил сторожок – натянул перед дверью леску, один конец которой обмотал вокруг горлышка пустой – чтобы звону больше было – трехлитровой банки, водруженной на верхнюю полку настенной вешалки, а второй – к ручке двери. Теперь от внезапной атаки с этой стороны я был застрахован. Что касается окон – те были забраны решеткой. Это украшение досталось мне в наследство от прежних владельцев квартиры, и у меня ни разу не возникало желания избавиться от него. Сейчас оставалось только похвалить себя за предусмотрительность.

Задернув, на всякий случай, плотные шторы по всей квартире, – вдруг убийце придет в голову расстрелять меня через окно, – я отправился в маленькую комнату, где давным-давно оборудовал небольшой уютный спортзал. Бог войны, пусть и отошедший от дел, должен постоянно поддерживать себя в форме. А иначе какой он бог?

Избивая грушу, я размышлял. Не знаю, почему, но мне всегда лучше думалось именно в такие моменты.

Правой-правой-левой-сближение-коленом. Какие шаги может предпринять гипотетический убийца, чтобы добраться до меня?

Левой-левой-правой-сближение-головой. Груша отыграла и слегка отбросила меня назад. Не очень удачная серия получилась. Что вообще этот убийца имеет против обитателей Горы?

Два удара левой ногой-прыжок-разворот-удар правой. Вот это неплохо вышло. Может быть, он в прошлом и сам имел отношение к Олимпу?

Левой-правой-левой-левой-прямой удар ногой на уровне пояса. Для того, чтобы понять противника, нужно попытаться встать на его место. Сделав это, можно спроецировать на себя мысли, побудившие его совершить тот или иной поступок. В последнем недостатка не было – в качестве примера передо мной были убийства Зевса, Аполлона и Афродиты. Но, сколько я ни пыжился, представить себе образ существа, убивающего их, не сумел.

Между тремя смертями была всего одна связующая нить – погибшие в прошлом жили на Горе. И все. Никаких других ниточек не было. Ни одной схожей детали во всех трех происшествиях. И у меня возникло устойчивое ощущение, что убийцы либо вообще не существует, либо он очень, очень умен. Настолько, что нет никакой возможности предсказать его следующий шаг. Мозг, действующий в соответствии со своей собственной, непонятной другим, логикой. Мозг сумасшедшего. Но сумасшествием тут и не пахло. Сумасшедший не сможет совершить три убийства за два месяца на трех разных континентах. Тем более что убивать приходилось не абы кого, а высших существ с обостренными чувствами. Чувством опасности в том числе.

Часа через полтора я почувствовал, что достаточно. Пот катил с меня градом. В поту – моем, разумеется – была и груша.

Пройдя в ванную, я сбросил с себя мокрую одежду и встал под душ. Если бы между этими тремя случаями было хоть что-то общее; но нет. И я окончательно утвердился во мнении, что мне и другим олимпийцам противостоит либо гений, либо… Не противостоит никто.

В дверь весело постучали. Такой стук я уже слышал накануне вечером, когда меня посетил Шустрый Гера. Был ли это снова он, решивший объясниться со мной по поводу неудачных переговоров на Набережной? Или же это враг, следивший за ним вчера и теперь копирующий его манеру стучать-

ся в дверь?

Я наскоро обтерся полотенцем, накинул халат и, выйдя в прихожую, снял леску. Потом, встав к стене по правую руку от двери, открыл ее.

– Арес? – неуверенно прозвучало от порога. Это был голос Гермеса, и, посмотрев в щель между косяком и дверью, я убедился, что это действительно он. Рядом стояла Афина.

– Проходите, – сказал я. И, когда они, воспользовавшись приглашением, вошли в прихожую, закрыл дверь и снова натянул леску. – Вот уж не ожидал. Мне казалось, что между нами на Набережной все сказано. Я ошибся?

– Мы подумали, что еще одна попытка не помешает, – извиняющимся тоном проговорил Гермес. Из его смущения я вывел, что определение «мы подумали» было сильным преувеличением. Подумала Афина. А он был только инструментом, с помощью которого ее мысль сейчас воплощалась в жизнь. Не могла же она, тысячелетиями враждовавшая со мной, явиться в полном одиночестве?

– Проходите, раз такое дело, – я указал в сторону зала.

– Все-таки боишься? – с презрительной усмешкой сказала Афина, оглядывая затемненную комнату. Довольно невежливо, если учесть, что она находилась в гостях. И весьма недальновидно – если пришла в расчете на сотрудничество.

– Ты в кресло присаживайся, – я все-таки решил не реагировать на выпад. – Я не страдаю комплексами относительно стоящих женщин и сидящего меня, зато мое чувство го-

степриимства страдает невыносимо. Так что располагайтесь поудобнее, я сейчас принесу вина и фруктов. Не нектар с амброзией, конечно, но меня в моменты ностальгии выручает.

Когда я вернулся с вином и фруктами, они уже приняли более непринужденные позы. Афина, как я и просил, устроилась в кресле, а Шустрый Гера развалился на софе. Совсем как на Горе, даже свои знаменитые крылатые сандалии не снял. Но я не стал делать ему замечание – насколько я знал, сандалии были самоочищающиеся. К тому же Гермес весьма дорожил ими – намного сильнее, чем жезлом-кадуцеем, ныне переделанном в тросточку – и очень переживал, как бы кто не спер его сокровище. Хотя сам в свое время именно что спер их у Аполлона. Вместе с уже упомянутым кадуцеем. Тогда же он стащил и мой меч, и еще много разного добра у богов наворовал, но Старик запретил его лупить – дескать, пацан же еще совсем, мозги пока не отросли, так что взятки гладки. Мой меч, а также предметы тихой гордости других богов Шустрому Гере, правда, пришлось вернуть. Один только Аполлон обменял крылатые сандалии и кадуцей на лиру и еще какую-то музыкальную безделушку. Полагаю, Аполлону куда веселее было любить себя под музыку.

Разлив вино по бокалам, я поднял свой и посмотрел на них сквозь янтарную жидкость:

– Итак, вы решили, что разговора на Набережной недостаточно, чтобы я успел вам наскучить?

– Ты успел не просто наскучить, – Афина тоже подняла

бокал. – Ты успел смертельно надоесть. Когда Прометей настоял на твоем приглашении, я решила, что за две тысячи лет забыла, насколько ты мне неприятен, и сумею продержаться в твоем обществе несколько часов. Ничего подобного. Этих тысячелетий словно не бывало.

– Польщен, – кивнул я.

– Но, поскольку перед нами стоит важная задача и твоя помощь лишней не будет, я решила, что возьму себя в руки и еще раз поговорю с тобой. Только у меня к тебе одна просьба. Перестань ершиться и делать вид, что ты какой-то особенный, отличный от нас. В сложившейся ситуации мы все равны. Ты можешь отрицать это на словах, но твои действия говорят о том, что ты это понимаешь. Ты боишься, Арес. Иначе не стал бы предпринимать такие меры предосторожности.

– Я не боюсь, о Мудрейшая. А меры предосторожности принимаю потому, что не хочу менять статус живого на статус мертвого так, чтобы потом всякий, вспоминая обо мне, смеялся, как над последним глупцом, поленившимся сделать элементарные вещи для сохранения жизни.

– Может быть, сразу к делу? – предложил Гермес. – А то, боюсь, с вашей взаимной симпатией вы слишком далеко зайдете, и о деле можно будет забыть.

– Валяйте, – щедро согласился я. – Мне даже интересно, что вы можете предложить. Насколько я помню, на Набережной до обсуждения плана действий так и не дошло. Если не

считать холостого выстрела Гермеса.

– Не такой уж он холостой, – обиделся Шустрый. – Мы решили, что все-таки стоит разыскать всех наших.

Я открыл было рот, чтобы повторить свои критические замечания относительно этого предложения, но Афина поддержала своего спутника, прояснив некоторые отличия от первоначального варианта:

– Их нужно отыскать не для того, чтобы предупредить. В этом нет необходимости, тут ты прав. Но можно попробовать собраться вместе и сообща придумать план, как вычислить убийцу. Или устроить ему засаду.

– Замечательная задумка, – язвительно заметил я. – Сколько нас всего было на Горе? Двенадцать членов Пантеона, несколько десятков нечленов, несколько сотен разной пузатой мелочи вроде сатиров, нимф, наяд и так далее. Вы хотите отыскать всех? Это же так просто! В какую сторону отправился каждый? Надеюсь, ты не забыла, что Гермес не смог отыскать даже Артемиду, которая бродит по тайге где-то здесь, под боком?

– Я не забыла, – холодно отрезала Афина. – Именно поэтому мы здесь. Мы не рассчитываем отыскать всех. Да это и не нужно. Что умного могут сказать сатиры или нимфы? У них на уме только одно… Но остальных, самых могучих, разыскать надо. Чем больше наших сегодня отправится на поиски, тем больших мы сумеем найти.

– То есть, ты хочешь, чтобы я поехал неизвестно куда, ис-

кать, по сути, неизвестно кого? – я недоверчиво приподнял бровь.

– Да, – коротко кивнула она.

– Не думаю, чтобы мне понравилась эта идея.

– Почему? Прометей и Геракл согласились, что мысль неплоха. Сегодня вечером они выезжают. Прометей взял на себя Европу, а Геракл – Африку. В Европе, правда, одна Гера, зато Гераклу придется потрудиться – в Африке, кроме Деметры и Пана, еще много, как ты выразился, разной пузатой мелочи собралось. Тем не менее, он взялся за дело. Что не устраивает тебя?

Афина проговорила это с таким видом, словно я отказал ей в каком-то незначительном одолжении – например, донести сумки на третий этаж. За две тысячи лет она так и не смогла смириться с тем, что ей, могущественнейшей из богинь, тоже могут отказывать. Тяжело вздохнув, я попытался объяснить свою позицию:

– Во-первых, Гераклу не привыкать к разным дурацким подвигам. А во-вторых, мне и здесь хорошо. Но главное не в этом. Главное в том, что я, в отличие от вас, не могу чувствовать других олимпийцев. Я чужак, если ты опять забыла. И, когда вы можете хотя бы примерно определить направление, в котором нужно двигаться, я лишен этой маленькой подсказки. Поэтому, куда бы я ни поехал, я буду тыкаться в разные стороны, как слепой котенок. Мне не нравится чувствовать себя слепым котенком, Афина.

– Ты прав, – с неохотой согласилась она. Ее недовольство объяснялось очень просто – это был один из тех редких случаев (по пальцам рук пересчитать), когда она вынужденно признавала мою правоту. – Но ведь ты можешь остаться здесь, чтобы мы держали через тебя связь?

– Это я могу, – я кивнул, даже не задумываясь. Действительно, что мне мешало исполнить роль диспетчера, коль скоро это совпадало с моей неохотой покидать и дом и, тем более, город?

– Хорошо, – с явным облегчением заметила Афина. Ну, хоть в этом я ей угодил. – Сначала я сама хотела остаться здесь. Но, раз такое дело, я возьму на себя Азию. Гипнос, Морфей, Гестия, Эол, Дионис…

– А ты? – я бросил вопросительный взгляд на Гермеса.

– На мне все остальное, – он посмотрел на бокал и сделал глоток. – Обе Америки и Австралия. Ну, и все остальные – они, большей частью, почему-то в Америках тусуются.

– Потянешь?

– В этих-то сандаликах? Конечно.

– В таком случае, удачи всем вам, – пожелал я. И, посмотрев на Афину, с усмешкой добавил: – Это абсолютно искренне, хочешь – верь, хочешь – не верь.

– Спасибо, что согласился помочь, – вяло откликнулась она.

– Это ведь не требует от меня каких-нибудь сверхусилий, правда? – внимательно, хоть и насмешливо, разглядывая ее,

я вдруг подумал, что она прекрасна. Куда красивей даже Афродиты, просто без ее мускуса. Высокая, стройная, с густой гривой светло-русых волос и огромными серыми глазами. Впечатление портил только плотно сжатый рот, придававший ей надменный и крайне неприступный вид. Почему я раньше не замечал ее красоты? Да потому что она все время шлялась в доспехах, за которыми невозможно было увидеть женщину. И наша плодотворная и непримиримая дружба мешала. Ведь невозможно увидеть красивую женщину в существе, которое постоянно выискивает возможность устроить тебе очередную каверзу. Причем, не просто табаку в чай насыпать, а со свету сжить. Афина же всегда стремилась именно к этому. Но после двух тысячелетий моя злость на нее выветрилась, и я получил возможность смотреть более или менее непредвзято. И сумел разглядеть красоту там, где прежде было лишь коварство. Впрочем, вряд ли она испытывала те же чувства в отношении меня, так что и коварство никуда не делось. Просто спряталось вглубь под нажимом обстоятельств, требовавших сотрудничества, вот и все. Но, раз уж дело идет о сотрудничестве, мне тоже не помешает быть покладистее. – И я, пожалуй, сделаю еще один вклад в общий котел. Я постараюсь разыскать Артемиду.

– Было бы неплохо, – Афина поднялась. – А я сегодня ночью, перед отъездом, постараюсь переговорить с дядюшкой Посейдоном. Благо, до океана рукой подать.

3

Если быть до конца откровенным, я вызвался отыскать Артемиду совсем не потому, что вдруг был обуян альтруизмом и желанием помогать всем без разбору. Просто в процессе общения вдруг переменил точку зрения и понял, что не хочу оставаться совсем уж в стороне. То самое протестное чувство, не позволявшее прийти к единому мнению с Афиной почти ни в одном вопросе. Если некий гипотетический враг желает добраться до меня, то я не собираюсь от него прятаться. Это отнюдь не было самоубийственным решением – в отличие от Старика, Аполлона и тем более Афродиты, я был куда лучше подготовлен к силовым мероприятиям. Конечно, пуле, выпущенной с расстояния в полкилометра, противопоставить будет нечего, но пуля уже была выпущена в Зевса. А убийца, как мне представлялось, старался не повторяться. Так что присутствовал даже определенный интерес, какой способ он выберет, чтобы разделаться со мной. Не совсем здоровый, конечно, интерес, но куда же от него денешься?

Нашлась и еще одна, куда более прозаическая причина. Мне просто захотелось повидаться с Артемидой. Она принадлежала к той немногочисленной группе родичей Зевса, с которой у меня сложились более или менее ровные отношения. Как, к примеру, с Гераклом и Прометеем.

Откладывать путешествие в долгий ящик было неразумно – через неделю-другую, а то и раньше, начнут поступать сообщения от других участников поисковой группы, которые желательно принимать лично. Я, конечно, на всякий случай подключил автоответчик, но особого успокоения это не принесло – потому что до сих пор еще не встречал никого, кто сумел бы выложить на автоответчик информацию в полном и исчерпывающем виде. Аппарат же, в отличие, скажем, от меня, не обладал способностью задавать наводящие и уточняющие вопросы.

Первым делом я разложил перед собой карту Приморья и попытался сообразить, где может бродить Артемида. В отличие от Шустрого Геры, у меня не было локатора, способного принимать сигналы других олимпийцев в любой точке Земли. Не было и крылатых сандалий, с помощью которых почти мгновенно можно оказаться где угодно. Но, в отличие от него же, мой мозг был настроен не на одни лишь пакости да махинации, но и на более конструктивные действия. Этим последним отличием я и собирался сейчас воспользоваться.

Артемида всегда искала уединения и обожала непроходимые дебри. Так было и в Элладе, хотя там с лесными массивами дело обстояло на порядок хуже, чем в Приморье. Здесь же для нее было настоящее раздолье – затеряться в огромных таежных просторах легче легкого. Однако у меня имелась мыслишка, которая вполне могла оказаться правильной. Заключалась она в том, что Артемида, сама принципиальная

девственница, остановит свой выбор на столь же девственных лесах. А на карте, лежавшей передо мной, был только один участок, где о человеческом жилье ни звери, ни птицы слыхом не слыхивали.

Верховья Бикина. Огромные территории без единого селения. Даже охотники из местных народностей – орочи, нанайцы, удэгейцы – если и заходили сюда, то очень редко и очень ненадолго. Им просто незачем было идти так далеко – все то же самое они могли добыть рядом со своими селеньями.

Я очертил на карте прямоугольник примерно в пять тысяч квадратных километров и удовлетворенно хмыкнул. Безусловно, будь я Артемидой, то выбрал бы этот район. Есть, где разгуляться. Сплошной праздник для души. Только я Артемидой не был, поэтому моя душа не радовалась. Передо мной стояла непростая задача – разыскать ее на этой огромной территории. Впрочем, по сравнению с необъятными лесными массивами, покрывавшими добрых две трети края, выбранный участок смотрелся довольно скромно.

Вопреки ожиданиям, звонки начались еще до отъезда. Сперва отличилась Афина, которой спьяну вздумалось испортить мне настроение. Получилось это у нее из рук вон плохо, потому что, слегка поиздевавшись, я просто оборвал разговор. Перезванивать она, к счастью, не стала – на это у нее даже под винными парами хватило ума.

Вторым оказался Прометей. Он успел разобраться со

смертью Старика. По его мнению – чистая случайность. Не исключавшая, однако, возможности убийства Аполлона и Афродиты. Очень ответственный парень, ничего не скажешь. Оперативно сработал. Я решил, что неплохо бы брать с него пример и отправляться на поиски транспорта, который доставил бы меня к месту назначения.

Однако Афина успела отметиться еще раз – абсолютно трезвая, но с ошеломляющим известием: с Шустрым Герой что-то стряслось (а с кем еще из всей честной компании могло что-то стрястись?!). То есть, он жив, но не совсем этому рад. Я, впрочем, не очень обеспокоился. Этот проходимец волку в пасть угодит, да потом все равно через задницу выберется. А по пути еще и всех глистов на деньги разведет. Но, хоть и не особо расстроенный, о звонке Прометея сказать забыл. А когда Афина отключилась и стало уже поздно что-то исправлять, решил, что ничего страшного. На ее миссию информация о Старике не влияла никак. Поэтому я со спокойной совестью отправился в путь.

В вертолетном отряде мое появление энтузиазма не вызвало. Моложавый начальник и пожилой усатый вертолетчик, обсуждавшие какие-то профессиональные проблемы на летном поле, посмотрели на меня довольно угрюмо.

– Верховья Бикина? – переспросил начальник. – А что ты там забыл?

– Какая разница? – удивился я. – Вы сможете меня туда доставить?

– Мы сможем доставить кого угодно куда угодно, – заверил он. – Только зачем?

На мой взгляд, причины их совершенно не касались, но, коль скоро они проявляли такую настойчивость в этом вопросе, я пнул ногой свой огромный вещмешок и соврал:

– Хочу сплавом спуститься. Понимаешь, с детства мечтал.

– В одиночку, что ли? – пожилой вертолетчик осуждающе покачал головой. – Опасно это.

– Да ладно, – я изобразил кривую усмешку. – У меня же карабин с собой. Любого медведя со ста метров завалит.

– Против зверя твой карабин, может, и хорош будет, – моложавый начальник закурил и выпустил густой клуб дыма. – А против лихих людей что ты с ним сделаешь?

– Каких еще лихих людей? – меня начала раздражать эта никчемная полемика. – По Бикину что – отряды диких партизан бегают и поезда под откос пускают, которых там отродясь не было? А может, шайка разбойников на купцов заезжих охотится? Зачем вы меня запугать пытаетесь?

– Мы тебя не пытаемся запугать. Мы тебя предупреждаем. Партизан там, конечно, нет, а вот шайка разбойников, кажись, завелась.

– Что за чушь? – я вынул из кармана охотничью кальку и, расстелив ее прямо на бетоне летного поля, ткнул пальцем. – Смотри: вот Соболиный, вот Красный Яр. А вот перевал, и за ним – Тернейский район. А между ними – ни одного селенья, только несколько зимовий. Что здесь делать разбойникам,

если здесь даже людей нет?

– Я не знаю, что они там делают, только у тебя калька неполная, – начальник тоже присел на корточки рядом со мной и ткнул в нее пальцем. – Вот здесь, здесь, здесь и здесь находятся базы отдыха.

– Тогда почему они не обозначены? Я покупал эту кальку, как самую лучшую. Человек, который мне ее продал, соврать не мог.

– Он и не врал, наверное. Это секретные базы. Для губернатора и других шишек. Когда прилетает президент или министры, их тоже туда возят. Водки попить, из ружья пострелять. Там егерей нет, журналистов тоже. Можно расслабиться по полной. И никто не напишет, что министр экономического развития, пьяный в дюпель, ползал на четвереньках, а потом наблевал на розовый куст. Или что премьер-министр собственноручно подстрелил очень редкое краснокнижное животное. Или что представитель президента в сексе предпочитает позу бутерброда и всегда пользуется презервативами с запахом банана. Полная секретность, соображаешь? Поэтому ни на одной кальке эти базы и не будут обозначены.

– Какая-то странная секретность. Вы-то о них знаете. И мне рассказали.

– Мы о них знаем, потому что сами туда высоких гостей доставляли. А тебе рассказали потому, что базам, кажется, край приходит.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Поэтому тебе, дураку, и говорят – опасно туда одному соваться. Нехорошие люди там завелись. За последний месяц две базы сгорели. Подчистую. Сторожа, слава богу, живы остались, только заикаются и по углам гадят. Поэтому губернатор приказал с двух оставшихся баз охрану тоже снять, и гостей туда возить на неопределенный срок прекратить.

В его глазах металась тревога, но меня он не испугал. Напротив – я понял, что не ошибся, и Артемида действительно там. Сгоревшие базы – ее рук дело. Очень уж она не любила тех, кто без надобности крушил природу. Несколько не в ее стиле было оставлять в живых четверых сторожей – в свое время в Греции нарушителей своих принципов и установлений она наказывала намного жестче. Что заставило ее проявить великодушие в этот раз? Может, то, что сторожа – люди подневольные и, в отличие от высоких гостей, не стремились разрушить как можно больше в максимально короткие сроки. А может быть, за те две тысячи лет, что ей пришлось прожить не в прежнем статусе богини, которой воздвигались храмы и приносились жертвы, а простой охотницы, она несколько пересмотрела свои привычки относительно контактов с людьми.

– Все равно я полечу, – упрямо сказал я начальнику. – Это мечта детства, понимаешь?

– Вот ведь упертый какой! – неодобрительно заметил он.

– Да, мне все об этом говорят. Так вы забросите меня ту-

да?

– Что с тобой поделаешь? Забросим.

– Сколько?

– Пять тысяч. Долларов.

– А откуда такой ценник? – я недоверчиво посмотрел на него.

– Семь тысяч.

Сообразив, что, если вовремя не остановлюсь, то цена взлетит до заоблачных высот, я вынул бумажник и, отсчитав требуемую сумму, протянул ему.

– Михалычу отдай, – хмуро бросил моложавый, поднимаясь. – А я пока пойду, документы выправлю.

И ушел. Я передал деньги старому пилоту, собрал кальку и проворчал:

– Ну и расценки у вас!

– Для тебя же, дурака, старался, – объяснил Михалыч. – Думал, хоть это тебя остановит.

– Ничего меня не остановит.

– Оно-то и плохо.

Переправить меня к указанной точке было поручено как раз Михалычу. Вторым пилотом оказался толстощекий румяный парень лет двадцати двух-двадцати пяти. По всему было видно, что опыта полетов у него маловато – он все время таращился то на приборы, то в стекло, и ни на что другое не реагировал.

За усатого же Михалыча все делали его умные руки, а сам

он почти не закрывал рта. Рассказал кучу баек из своей летной биографии, которые я слушал в пол уха – они меня не интересовали. Лишь в самом конце полета он начал говорить что-то существенное:

– Мы тебя на тросе спустим. В той точке, что ты указал, сесть невозможно – тайга, сопки, площадок нет.

– На тросе, так на тросе.

– Все-таки дурак ты, парень. Не боишься?

– Спускаться на тросе? Не в первый раз.

– Нет! Соваться сюда в одиночку?

– С чего вы, вообще, взяли, что эти базы кто-то посторонний сжег? Может, сторожа сами перепились и пожар устроили?

– Так и думали, когда первая база полыхнула. А потом, когда вторая сгорела, стало ясно – не они. Все четверо одно и то же твердили, и сговориться промеж собой не могли. Рассказывали, что сами пытались огонь погасить, да их от реки собаки оттеснили. Похожие на лаек, но здоровые – раза в два больше волков. Не бросались на них, а просто не давали к воде подойти. И все время ухмылялись – клыки показывали. А глаза умные, почти человеческие. Похоже на белую горячку, только на обоих базах одно и то же видели.

Если у меня еще оставались какие-то сомнения относительно присутствия Артемиды в обозначенном квадрате, то после этих слов они окончательно развеялись. Псы были ее. Без них она не показывалась нигде и никому. И я не видел

причин, которые бы вынудили ее сменить традицию. Псы – не копье, не щит с головой Горгоны и не пучок молний. Люди сами держали их, так что Артемида в этом плане не очень выделялась. В былые времена, в Греции, ее сопровождала еще свора различного зверья – от медведей до ланей. Вот этим атрибутом ей, скорее всего, действительно пришлось пожертвовать. Но не псами.

Я не знаю, где она брала этих тварей. Как и совы Афины, они были смертны. Однако никто и никогда не видел Артемиду без ее здоровенных псов с по-человечески умными глазами. Некогда у меня даже возникла теория, согласно которой она оставалась девственницей не совсем по своей воле. Просто едва ли найдется мужчина, способный заняться с ней сексом под надзором здоровенных зверюг. Пожалуй, даже у Приапа в таких условиях впервые в жизни случился бы приступ импотенции.

Вертолет завис над живописным склоном, поросшим вековыми кедрами, и щекастый парнишка, надевший на меня «пояс верности», защелкнул на животе карабин с тросом. Потом сдвинул дверь и ободряюще улыбнулся:

– Все в порядке?

– В полном, – заверил я и, подняв с пола рюкзак, покинул борт.

Мне действительно было не в первой это делать. С середины девятнадцатого века войны сильно изменились, и личная доблесть в них больше фактически ничего не решала.

И я предпочел получать адреналин, занимаясь другими делами – не менее опасными, но более индивидуальными. Зато как колотилось сердце, когда отрывался от земли на дурацких аэропланах, сконструированными полусумасшедшими недоучками-энтузиастами! Или как перехватывало дыхание, когда испытывал первые парашюты и не знал, раскроется ли над головой купол! А тут – всего лишь спуститься на тросе с пятидесятиметровой высоты. Детский лепет.

Сняв пояс, я дважды дернул трос, и он быстро исчез в вертолетном чреве. Похожая на стрекозу машина легла на обратный курс и скоро исчезла в безоблачном небе. Я осмотрелся. Места действительно были девственные, нехоженые. Подумалось, что выбор Артемиды понять можно. Хотя, признаться, мне самому едва ли захочется провести здесь хотя бы день сверх необходимого. Но наши с Артемидой вкусы сильно разнились, и для нее, пожалуй, не было лучшего пейзажа на всей земле.

Вековые кедры в три, пять и больше обхватов упрямо тянулись куда-то вверх, абсолютно не обращая внимания на то, что творилось внизу. А внизу ничего не творилось, потому что своими могучими кронами они почти полностью заслонили небо. Внизу были сырость, толстенный слой отслужившей свое хвои, и лишь кое-где пытались пробиться к солнцу потомки этих великанов.

Первым делом я вынул из рюкзака чехол с карабином и собрал оружие. Я не Геракл, и в случае встречи, скажем, с

медведем, не сумею порвать ему пасть голыми руками.

Повесив карабин спереди на шею, я сверился по кальке и, забросив за спину рюкзак, пошел вниз по склону – туда, где была обозначена река. Вернее, ручей, потому что, согласно заявке, меня забросили в самые верховья.

Километра через два сплошной кедрач уступил место смешанному лесу, и идти стало намного сложнее. Кое-где приходилось продираться сквозь чапыжник, местами – двигаться по сплошному ковру синеватого мха, доходившего до лодыжек, а то и до середины голени. Мох пружинил, что не способствовало скорости передвижения. Стали попадаться лианы дикого винограда и актинидии. Некоторые экземпляры имели в диаметре сантиметров по пятнадцать и даже больше. Кишмиш – вещь хорошая. Пожалуй, единственная, из-за которой я согласился бы посетить местную тайгу не из чувства долга, но стоял май, и до ягод было еще месяца четыре. Я сглотнул слюну и потопал дальше.

Согласно кальке, получалось, что до реки оставалось еще километра три. За какое время я пройду это расстояние, предсказать было невозможно. Все зависело от того, по какой местности придется идти. Кто знает – может, берега сплошняком поросли кустарником, который нужно обходить, потому что живым сквозь него не продерешься.

Немного погодя я приметил, что вдоль моего пути, четко параллельно, по ветвям деревьев – метрах в трех над землей – прыгает какое-то человекообразное существо. Насколько я

знал, обезьяны в Приморье сроду не водились, да существо и не походило на обезьяну, хотя с ветки на ветку скакало очень бойко. Не подавая виду, что приметил неожиданного спутника, я осторожно скосил взгляд в его сторону.

Больше всего он походил на детскую поделку. В еловую шишку воткнули четыре спички, вместо головы приспособили желудь. Правда, у этого создания желудь был без шляпки и густо поросший волосами. Самое забавное, что оно, кажется, и не старалось как-то себя маскировать. Двигалось бесшумно, но совершенно открыто, словно было абсолютно уверено, что его все равно не заметят.

Стараясь выглядеть естественно, я размял шею – дескать, затекла под тяжестью карабина. Снял оружие и переложил его в правую руку. Еловая шишка продолжал спокойно следовать параллельным курсом. И застыл только тогда, когда я развернулся вправо и направил на него карабин, держа его в вытянутой руке.

– Попробуешь смыться – выстрелю. Проверим, есть ли в твоей шишке орешки.

– Вот елки-метелки! – с досадой крякнул он и осторожно, чтобы я не счел это попыткой к бегству, уселся на ветку. – Заметил. Только не стреляй. Орешков все равно нет. Потому что это не шишка, а одежда моя.

– Забавная у тебя одежда. Ты кто?

– Я леший. И ничего в ней забавного нет. Все лешие такую одежду носят. Это традиция.

Итак, леший. Понятно, почему я его не узнал. Существо из другого мифологического мира. И прежде нам пересекаться не доводилось.

– Как ты меня заметил? – спросил он. – Ты ведун?

– Нет.

– Но обычные люди меня не видят. Только ведуны.

– А с чего ты взял, что я человек?

– Еще один бог, – резюмировал он. – Тоже с Олимпа?

– Совершенно верно.

– Послушайте, вы, которые с Олимпа, все решили сюда перебраться? Сколько вас там? Десять? Пятьдесят? Сто? Предупреждаю сразу – это мой участок. И если здесь станет тесно, я буду драться. И родичей своих позову. На земле и так осталось слишком мало места, чтобы простой леший мог спокойно пожить – человеков расплодилось, что гнуса в дождливое лето. Куда ни плюнь – все в человека попадешь. А тут еще отставные боги из всех щелей лезут.

– Не переживай. Я не Артемида. Я бы все равно не смог здесь выжить. Мне нужно передать ей кое-что. Потом я уйду. Может быть, она тоже уйдет.

– Она пусть остается. Она хорошая, хоть и некрасивая. Она природу любит, как я. Только по деревьям лазать не умеет.

– Некрасивая? – удивился я. – Да уж покрасивее тебя будет.

– Она для меня некрасивая. И ты для меня тоже урод. Ты

карабин-то опусти. Рука устанет, палец судорогой сведет.

– У меня не устанет, – успокоил я, но карабин все же опустил. – Ты где Артемиду видел?

– Часов десять вниз по течению идти. Примерно месяц назад.

– Месяц назад? Значит, как ее можно найти сейчас, не подскажешь?

– Не подскажу. Она тоже с лесом связана, как я. Лес ее защищает. Вот тебя я сразу почуял. И людей сразу чую. А ее – не могу.

– Жалко, – заметил я. – Очень жалко. Придется искать самому. Ты не собираешься мне пакостить?

Он весело рассмеялся и, сделав вокруг ветки оборот спиной вперед, снова застыл. Я с трудом удержался, чтобы не вскинуть руку и не выстрелить. Напрасно он так неожиданно выдал этот кульбит.

– Конечно, не буду! – леший азартно почесал бороду. – Зачем мне? Это я спервоначалу думал, что ты плохой человек, пришел сюда зверье почем зря стрелять. Вон, и карабинчик у тебя богатый, и рюкзачок какой здоровый. Дай, думаю, покружу гостя непрошенного. Ну, а раз ты без злых мыслей пришел – то милости просим.

– А скажи мне, абориген, сколько времени нужно, чтобы до ближайшей базы отдыха добраться?

– Часов десять ходу.

– Я на лодке сплавляться буду.

– Нет разницы, – он махнул тонкой, похожей на ветку рукой. – Здесь река еще мелкая, узкая. Перекатов много, заломов тоже. Придется вручную лодку перетаскивать. Так что, как ни крути, выходит десять часов.

– Я, пожалуй, все равно к реке пойду. На лодке все-таки легче спускаться. Даже по заломам с перекатами.

– Удачи тебе, бог в отставке! – леший вдруг сорвался с места и, прыгая с ветки на ветку, скрылся с глаз с такой скоростью, что заставил меня усомниться – а сумел бы я не промахнуться, попытайся он убежать сразу, как только понял, что обнаружен?

Леший не соврал. Заломов было действительно много. Первый встретился сразу, стоило только выйти к реке. Огромный дуб, надломленный бурей у основания, упал поперек ручья, который в этом месте был едва-едва шире четырех метров. Со временем течение прибило к нему невероятное количество веток – толстых и не очень, в результате чего получилась изрядных размеров запруда.

Глубина реки даже в самом глубоком месте не превышала полуметра, так что я не увидел особого смысла надувать лодку. Пошел прямо по воде, время от времени обходя заломы. Вода была холодная, но меня это не смущало – наши пороги чувствительности сильно отличались от человеческих. В том числе и в температурном отношении.

После примерно четырех часов подобной ходьбы я вышел к месту слияния реки с ручьем почти такого же размера.

Дальше русло становилось заметно глубже, так что лодку уже вполне можно было использовать по назначению.

У самого устья на галечной косе привольно развалился медведь-белогрудка. Он пожирал тайменя длиною побольше метра, – я даже не думал, что такая крупная рыба может подниматься так высоко по течению, – и при моем появлении издал предостерегающий рев. Ему не хотелось делиться добычей, но я на нее и не претендовал. Мне нужна была галечная коса, на которой он устроил себе праздник живота. Поэтому я снял с шеи карабин и, наведя его на зверя, приказал:

– Уходи.

Общение с животными мне никогда особо не давалось. Артемида-то была докой в этом вопросе. У Зевса тоже всегда получалось находить с ними общий язык. Я же подобным даром похвастаться не мог. Но медведь удивил меня, с ворчанием подобрав остатки рыбины, перешел ручей и, треща сучьями, скрылся в зарослях на противоположном берегу.

Расположившись на косе, я тоже подкрепился, после чего накачал лодку и, спустив ее на воду, освободился наконец от изрядно надоевшего рюкзака. Больше не нужно было тащить его на себе – в моих руках было куда более легкое пластиковое весло, которое я время от времени заменял предусмотрительно вырубленным длинным шестом. Правда, заломы по-прежнему попадались довольно часто, и тогда лодку приходилось перетаскивать по берегу, иногда густо поросшему кустарником. И все же это было неизмеримо легче, чем

шлепать по ручью с тяжелым рюкзаком за спиной почти по колено в воде.

К вечеру, как и предупреждал леший, я добрался до первой базы. Привязав лодку у деревянного пирса, взял карабин и пошел на разведку. Со слов вертолетчиков, сторожей с двух уцелевших точек эвакуировали, но не мешало убедиться в этом самому.

То, что база отдыха строилась исключительно под вип-персон, было видно невооруженным глазом. Огромную территорию огородили свежим частоколом, вдоль которого насадили малину. Она разрослась, но, сдерживаемая оградой, стояла довольно компактно. Повсюду были разбиты клумбы. Метрах в двадцати от реки стояла сложенная из кругляка баня, перед которой имелся отделанный гранитом бассейн. В самом дальнем углу участка притулилась вертолетная площадка. Еще здесь имелась большая беседка с П-образным столом для многолюдных посиделок на свежем воздухе, и несколько сарайчиков для хознужд. Сортира на улице не было, из чего я заключил, что в главном помещении устроена примитивная канализация. Само же здание главного помещения представляло собой двухэтажный особняк с балконами. На крыше была тьма-тьмущая антенн, от круглой телевизионной, до тонюсенькой, задранной на высоту десяти метров – очевидно, для спутниковой связи. Особняк выглядел весьма колоритно – этакая барская усадьба. Правда, без барина и челяди – окна были темны, и тишина, царившая во-

круг, навевала уныние.

Солнце медленно скрывалось за кронами деревьев, вечер постепенно вступал в свои права. В одном из подсобных сарайчиков я обнаружил генератор и запустил его. Здесь же стояло пять двухсотлитровых бочек с горючим, так что просидеть без электричества весь вечер мне не грозило.

Как ни странно, входная дверь оказалась запертой. Покидая базу и налагая мораторий на ее посещение на неопределенный срок, владельцы тем не менее возжелали перекрыть доступ и случайным посетителям. Довольно глупое решение, надо сказать – посреди тайги никакой замок не в состоянии остановить того, кто захочет попасть на охраняемую этим замком территорию.

Выстрел из карабина в сердечник легко сломал сопротивление замка, и я оказался в большом холле. Найдя электрощит, не стал разбираться, какой блок для чего предназначен и включил все шестнадцать. Двор залило ярким светом, я удовлетворенно кивнул и отправился искать место для ночлега. По всему, проблем с этим не должно было возникнуть – вряд ли высокопоставленные особы, которых привозили сюда отдохнуть, все, как один, предпочитали спать лицом в салате.

4

Ночь я провел в условиях, для самого сердца девствен-

ной тайги неожиданно приятных. Номера предусмотрительно обустроили с высочайшим комфортом, чтобы высокие гости ни в чем себе не отказывали – от шикарной ванной комнаты до двухкамерного холодильника, в котором, правда, ничего не было. Зато в мини-баре обнаружилась целая коллекция элитного спиртного. Что касается провианта, то, прояви я настойчивость – и, уверен, нашел бы, чем отужинать из местных кладовых. Наверняка с вип-отдыхающими сюда доставляли и поваров. Не будут же сильные мира сего лично шинковать салаты и разделывать рыбу. Не барское это занятие, в самом деле. А где есть повара, там должна быть и кухня с кое-какими запасами.

Но вместо поисков кухни я спустился к лодке и забрал рюкзак. Подкрепившись собственной снедью и запив ужин бокалом бренди, я отошел ко сну.

Спал крепко, без сновидений, и утром, с первыми лучами солнца, был уже на ногах. Покидая комнату, прихватил бренди с собой – неизвестно, сколько еще придется провести в тайге в полном одиночестве. В таких условиях алкоголь поможет подлечить душу, если уж совсем тоска одолеет.

Электричество отключать не стал, сочтя это излишней предосторожностью. Просто заглушил генератор и, поправив висящий на плече карабин, пошел к лодке. День только начинался, обильная роса еще вовсю блестела на траве, и было довольно прохладно. Но выжидать, пока солнце прогреет воздух, не хотелось – напрасная трата времени.

Однако, обогнув угол главного корпуса, я уперся взглядом в огромную лайку, что сидела на дощатом помосте напротив лодки. Псина ехидно усмехалась, глядя на меня умными, почти человеческими глазами.

Прежде, чем я сообразил, откуда здесь взялся этот зверь, карабин соскользнул с плеча и удобно устроился в ладони. Но выстрелить я не успел. Где-то за спиной прозвучал подзабытый, но все равно легко узнаваемый голос:

– Я бы на твоем месте бросила карабин, Арес. Если не хочешь получить стрелу между лопаток.

Я уронил карабин в траву и медленно обернулся. Артемида стояла в беседке, скрытая до пояса бортиком, и держала в руках лук с наложенной на тетиву стрелой. Тетива была не натянута, но я не стал обманывать себя – в стрельбе из лука Артемида равных не знала.

– Привет, – не смотря на ее грозный вид, я не выдержал и расплылся в улыбке. Даже не ожидал, что мои поиски завершатся так быстро и так успешно. – Вижу, сохраняешь верность старому оружию? Огнестрельное не признаешь?

– Лук бесшумнее и благородней, – холодно сказала она.

– Ты бы его опустила, – попросил я. – А то я себя не очень уютно чувствую, когда меня держат на прицеле. Особенно, когда это делаешь ты.

– Потерпишь, – отрезала Артемида. – Я не собираюсь становиться твоей следующей жертвой. – Она трижды коротко свистнула в сторону. Рядом со мной тут же появились два

пса. Не сводя с меня пристального взгляда, Артемида обронила: – Отнесите карабин в лес и бросьте там.

Один из псов взял оружие в зубы, в два прыжка оказался у частокола и перемахнул через него без видимого напряжения. Второй же уселся передо мной, вывалив язык и обнажив зубы. В его глазах отчетливо читалась насмешка.

– Я чего-то не понимаю? – спросил я. – Зачем ты в меня целишься? Почему ты заговорила о каких-то жертвах?

– Не прикидывайся ягненком. За последние три месяца были убиты Зевс, Аполлон и Афродита. Я перестала их чувствовать. Я специально ушла в тайгу, но ты меня и здесь нашел.

– Погоди-ка. Ты хочешь сказать, что считаешь убийцей меня?

– Разумеется.

– Это как же ты пришла к такому выводу?

– А не нужно особо напрягаться, чтобы понять, кто их убил. Вряд ли это по силам человеку. Пусть наше могущество стало намного меньше, чем было две тысячи лет назад, но мы все-таки боги. И справиться с тремя из нас может только равный по силам. А ты был единственным чужаком на Горе, Арес. Ты так и не сумел стать своим. И всех нас за это ненавидел. Завидовал – и ненавидел. Вот только напрасно взялся убивать. Неужели непонятно было, что рано или поздно столкнешься с тем, кто окажется сильнее и проворнее тебя? Здесь, в лесу, я дома, Арес. А ты чужак. И ты про-

играл.

– Не спеши, Артемида. Я действительно пришел поговорить с тобой об этих убийствах. Но их совершил не я. Зачем мне это надо? Я спорить не буду – особой любви к вашему семейству никогда не испытывал. Но меня устраивало положение, сложившееся после исхода с Горы. Я никого из олимпийцев не видел и не вспоминал. И был, между прочим, вполне доволен жизнью.

– Не верю, – она покачала головой. – Если ты не при чем, если ты никого из наших не видел, то откуда знаешь, что брат, Старик и Афродита погибли?

– От Афины. Ко мне заявился Шустрый Гера и пригласил на общее собрание. Во Владивостоке, оказывается, собралось аж пятеро наших. Ты была бы шестая, но ты ушла в тайгу. Гермес попытался тебя найти, но не сумел.

– Меня в тайге найти невозможно, если я сама того не захочу. Хотя Гермес… А, ладно. Ты говоришь, во Владивостоке пятеро наших. Ты, Гермес, Афина. Кто еще?

– Геракл и Прометей. Можно подумать, ты сама не знаешь. Вы же друг дружку чувствуете.

– Тогда почему здесь стоишь ты, а не кто-нибудь из них? – она предпочла пропустить мое замечание мимо ушей, продолжив гнуть свою линию.

– Потому что мы с Афиной так решили, – меня начало охватывать раздражение. – Они отправились по белу свету искать остальных олимпийцев, чтобы сообща придумать,

как нейтрализовать врага. А я решил найти тебя. На ограниченной территории у меня хотя бы шансы были. А в пределах целого континента я бесполезен. У меня, в отличие от вас, нет локатора, с помощью которого я могу чувствовать остальных.

Снова свободно преодолев частокол, во двор вернулся второй пес. Артемида молча указала ему рукой на меня, и он присоединился к своему сородичу. И только после этого их владычица положила лук.

– Разберемся. Ты сейчас немного сбил меня с мысли, и мне еще раз нужно все хорошенько обдумать. А пока стой спокойно, иначе мои псы порвут тебя.

Она вынула из складок туники моток бечевки и покинула беседку. Теперь я видел ее целиком. Помимо туники, на ней были черные гетры по колено, что отличалось от того наряда, в котором она щеголяла в Греции. Зато, как и там, она была босая – шла по траве изящной, почти невесомой походкой. Не шла, а летела. Юная, независимая, целеустремленная – и прекрасная, чего уж там. Артемида мне всегда нравилась. Тем неприятнее был прием, оказанный нынче ею.

Подойдя вплотную, она сдернула с моего плеча рюкзак и ловко и быстро связала руки за спиной – от запястий и до локтей. При таком подходе никаких шансов освободиться у меня не оставалось.

Развернув в сторону лодки, Артемида легким толчком в спину придала мне начальное ускорение, и я послушно по-

брел к пирсу, сопровождаемый торжественным кортежем из двух огромных псов и их хозяйки, не забывшей прихватить мой рюкзак – совсем не легкий, надо сказать.

Псов, впрочем, она в лодку не пустила. Сбросила на дно вещмешок, аккуратно помогла спуститься мне и приказала зверям:

– Вы идите по берегу. Вниз по течению, далеко не отрывайтесь.

Зверюги послушно и совершенно бесшумно перескочили частокол и исчезли в прибрежных зарослях.

Устроиться в лодке со стянутыми за спиной руками оказалось непросто. Надувная посудина была слишком легка и нужной остойчивостью не обладала. Неудобств добавляло и быстрое течение. Неуклюже повозившись, я все-таки принял сидячее положение, но не удержался и завалился плечом на борт. Попытку выправить ситуацию сразу отмел, как безнадежную, и продолжил путь в такой вот неудобной позе.

Артемиде, судя по всему, на мои затруднения было плевать. С деловито-безразличным видом она вывела лодку на середину реки и, ловко орудуя веслом, повела ее вниз по течению.

Минут десять я наблюдал за ее размеренными движениями, потом еще раз попробовал внести ясность в обстановку:

– Все-таки, не понимаю, Артемида. Мы, вроде, всегда с тобой неплохо ладили. С чего ты взяла, что именно я – убийца?

– «Неплохо ладили»? – она даже не посмотрела в мою сторону. – Лучше скажи – «не так часто ссорились». Потому что я на Горе редко появлялась.

– Можно и так сформулировать, – я не стал спорить. – Но почему я – и вдруг убийца? Хочется услышать веские доводы, а не эмоции вроде того, что я – чужак.

– Это не эмоции, – холодно отрезала Артемида и, наконец, взглянула на меня. Взгляд ничего хорошего не предвещал. Чувства в нем отсутствовали. Для себя она уже все решила. Оставалось выяснить, в чем заключалось ее решение. – Это один из тех доводов, что ты хотел услышать. Мне он нравится, потому что кажется крепким. Но есть еще один довод – я никогда не доверяла тем, кто живет на Олимпе. Все вы там погрязли в интригах и готовы были глотки друг другу перегрызть.

– Даже я, чужак?

– Тем более ты, чужак. Против остальных олимпийцев работает только один довод. Против тебя – оба. Для меня это достаточно веская причина подозревать именно тебя.

Определенная логика в этих словах присутствовала, хотя, признаться, я мог бы привести пару не менее веских доводов в свою защиту. Но, глядя на упрямое выражение ее лица, решил, что это бесполезно. Артемиде все казалось ясно и просто. На всякий случай я все же уточнил:

– Насколько я понял, пытаться что-нибудь тебе доказать – затея безнадежная?

– Ты верно понял, – ответ был вполне ожидаемым.

– А ты упрямое создание. Именно поэтому у тебя с Гераклом любви и взаимопонимания не случилось?

– Не у меня с Гераклом, а у Геракла со мной! – раздраженно бросила она. – И вообще – это не твое дело!

– Точно, не мое. А вот что ты собираешься со мной делать? Это, кажется, мое дело?

– Убью, – она быстро взяла себя в руки и посмотрела на меня уже абсолютно спокойно. – Нанесу превентивный удар.

– Понятно, – я кивнул. – Я и сам начал догадываться, что к этому идет. Мне другое непонятно – зачем ты везешь меня куда-то? Убить можно и здесь.

– Не хочу, чтобы лешие и местные лесные духи видели, как ссорятся два олимпийца, – «ссориться» – это, на мой взгляд, было слишком мягко сказано, но Артемиду приблизительность выражения не смутила. – Отвезу тебя поближе к селеньям. Там людей много, там духи стараются не появляться.

– А то, что ты сейчас вслух сообщила, что убьешь меня – это нормально? – я криво усмехнулся. – Твои знакомые духи могут услышать. Что они о нас подумают?

– Не услышат, – спокойно возразила она. – Течение сильное, вода шумит громко. А мы с тобой не кричим, спокойно разговариваем.

Спокойно, да. Вот только продолжать этот спокойный разговор мне показалось бессмысленным. Дальше, если я хотел

жить, нужно было переходить к действиям. Хотя со связанными руками ни о каких действиях с моей стороны и речи быть не могло. Но я не хотел оставлять мир без своего замечательного общества, а потому решил подумать, каким образом освободить себе руки. Для начала. А там видно будет.

По моим расчетам, – весьма приблизительным, потому что кальки, как и всего остального имущества, волею пленившей меня Артемиды я был лишен, – до тех мест, где она сочтет возможным убить меня, мы должны были добраться лишь к вечеру. Так что времени на раздумья еще хватало. И я, переключив внимание со своей спутницы на проплывающий мимо пейзаж, принялся размышлять.

Занятие, как оказалось, в данном случае бесполезное. Два часа мы плыли вниз по течению, и я с тем же успехом мог бы не думать вообще, целиком сосредоточившись на созерцании природы. Тем более – посмотреть было, на что. Все та же девственная тайга, но, по мере удаления от Сихотэ-Алиньского хребта, становившаяся разнообразнее и пышнее. Окажись я здесь при других обстоятельствах – и залюбовался бы, честное слово. Хотя обычно к такому занятию склонности не имел – я не фанат нетронутых ландшафтов. Однако ситуация к наслаждению пейзажем не располагала. Правда, один раз я увидел на берегу дикого кабана изрядных размеров. Тот тоже увидел нас, проводил безразличным взглядом маленьких красноватых глазок и снова опустил рыло в воду. До путешественников ему дела не было – сюда он явился с

куда более важной целью: утолить жажду. А что при этом будет проплывать мимо – какая разница? Хоть мамонт-альбинос с курительной трубкой в зубах.

Между тем удача все же улыбнулась мне. Через два часа неторопливого плавания мы подошли к залому, и Артемида, несколькими уверенными ударами весел загнав лодку носом на берег, скомандовала:

– Выбирайся.

Сделать это было не так просто. От того, что нос лодки оказался на берегу, устойчивости у нее не прибавилось ни на грош. Но я сумел справиться с задачей, после чего, стоя уже на твердой земле, осмотрелся и сказал:

– Ты бы мне руки развязала.

– Даже не надейся, – жестко отрезала она.

– Залом-то большой, метров сорок верных. Или ты одна будешь перетаскивать по кустам лодку, рюкзак и оружие?

– Ничего, я справлюсь. А тебя пока мои псы постерегут.

– Тем более, – подначил я. – Чего тебе с такой охраной бояться?

– С чего ты решил, что я тебя боюсь? Поворачивайся!

Я оборотился к ней спиной, и Артемида принялась возиться с веревками. Эффект получился именно тот, на какой я и рассчитывал. Артемида была столь же упряма, сколь и себялюбива. Мой намек на то, что она должна меня побаиваться, не на шутку задел ее.

– Только сбежать не пробуй, – предупредила она. – Не за-

бывай, что у меня лук. А псы, если прикажу, и карабин принесут. К тому же они тебя все равно выследят и остановят, даже если я промахнусь. Но я не промахнусь.

– Не сомневаюсь, – заверил я. – Ты бы, кстати, позвала своих зверей. Зачем лишний раз понапрасну рисковать?

Я надеялся, что дух противоречия и на сей раз сыграет в мою пользу, но маневр не прошел. Не переставая возиться с веревками, Артемида издала длинный призывный свист. Однако это не помогло – псы есть псы, какими бы умными они ни были. Они задержались где-то по своим животным делам и, пока выясняли, в какую сторону побежал заяц или что за птичка нагадила на этот цветочек, руки у меня оказались свободны.

Как только это произошло, я оттолкнул Артемиду в сторону и прямо через лодку нырнул в реку. Здесь было мое единственное спасение. Ни на секунду не показываясь над водой, с силой работая руками и ногами, я устремился в сторону залома, от души надеясь, что он не окажется, подобно настоящей плотине, перегорожен от поверхности до самого дна.

Проплывать под заломом я не боялся – мог обойтись без воздуха и десяток минут, а чтобы преодолеть его, понадобится не больше трех-четырех. Риск был в другом. Я не обманывался относительно скорости реакции Артемиды и ничуть не кривил душой, говоря, что не сомневаюсь в ее меткости. Правда, лишь при стрельбе из лука. В отношении ог-

нестрельного оружия она себя явно переоценивала. Отсутствие опыта и пренебрежение, которое она испытывала ко всяким новомодным штучкам вроде карабина, не могли не сказаться.

Но карабина у нее под рукой не было. Верный пес заныкал его где-то в тайге, и Артемиде пришлось пользоваться луком. Как ни быстра она была, но момент упустила. Что неудивительно – стрелы, как я успел приметить, за два с лишним часа неспешно уползли под банку, их нужно было сперва аккуратно извлечь оттуда, потом – приладить колчан на плечо, потом – вынуть из него стрелу… Все это требует времени, а при существующем дефиците на него оказалось, что я успел отплыть довольно далеко. А стремительно мчащаяся вода, под которой я укрывался, сильно смазывала картинку, мешая нормально прицелиться даже такому мастеру стрельбы, каковым являлась Артемида.

Тем не менее она успела выстрелить дважды, прежде чем я ушел под защиту залома. Но обе стрелы прошли на вполне безопасном расстоянии, примерно в полуметре. Я видел, как они обгоняли меня, увлекая за собой потоки воздушных пузырьков. А потом я оказался надежно укрыт толстым слоем плавника над головой. Укрыт и от выстрелов, и от острого нюха псов. При желании можно было подняться к поверхности и глотнуть воздуха. Только у меня такого желания пока не возникало. Возможно, к счастью. И ведь чувствовал – еще как чувствовал! – что чужеродная деталь в их механизме, и

все равно полез. Помочь решил. Как бы до смерти не напомогаться!

Преград под заломом, к счастью, не оказалось. Пару раз ткнувшись в топляк и слегка скорректировав курс, я благополучно проплыл мимо, продолжив движение к первоначальной цели – краю запруды, расположенному по диагонали от того места, где состоялось наше с Артемидой весьма прохладное прощание.

Расчет был прост – недалеко от намеченного мною места над водой нависали густые прибрежные заросли. Они помешают Артемиде прицелиться. К тому же расстояние для ее лука будет уже великовато – она пользовалась отнюдь не английским вариантом этого оружия. А стрельбы из карабина я не боялся – вряд ли псы успели подсуетиться и доставить оный. Опять же, если Артемида решит пройтись по берегу вдоль залома, чтобы выйти на прицельную позицию, ей потребуется никак не меньше пяти минут – кусты на ее берегу росли весьма и весьма густо, это я успел четко приметить. Пересекать же реку по залому она вряд ли решится – не мост, в самом деле, а очень непрочное и довольно коварное сооружение, с которого второпях и свалиться недолго. И хорошо, если просто под воду уйдет – без воздуха она продержится не меньше моего. Но может случиться и так, что ее бревнами раздавит.

Нет, со стороны Артемиды и ее страшного лука опасности ждать пока не приходилось. Сложнее было с псами, один

из которых вполне мог поджидать меня уже на этом берегу. Тут-то я и порадовался, что она была вынуждена приспосабливаться к жизни среди людей, и вместо двенадцати псин, которых ей некогда подарил Пан, держала всего двух. Но и при таком урезанном количестве выход на берег оставался делом рискованным. Однако шансы, и даже неплохие, имелись – во-первых, возможных мест моего появления было как минимум три, а во-вторых, участок, намеченный для выхода на сушу, находился метрах в тридцати-сорока ниже по течению от залома. Я осторожно просунул голову в шалашик из сухих сучьев березы, которую лет пятьдесят назад то ли ураганом сюда уронило, то ли вместе с берегом подмыло, втянул воздуха и, снова погрузившись в воду, поплыл.

Если пес и караулил меня, то я его не заметил. Протиснулся меж ветвей, стараясь держаться как можно неприметнее, выбрался на берег и, отыскав относительно свободный от кустарника участок, побежал прочь.

Было понятно, что долго такие гонки не продлятся. Как только псы обнаружат след, как только преследовательница переберется на этот берег, погоне хватит нескольких минут, чтобы настичь меня. Я бегал быстро, но в скорости передвижения по лесу значительно уступал Артемиде. Не говоря уже о ее зверях. Поэтому, пока была возможность, следовало оторваться как можно дальше и, если по пути не встретится какая-нибудь притока, снова воспользоваться Бикином для того, чтобы постараться затруднить поиски следов. Сколь-

ко смогу так продержаться, я не знал. Хотелось верить, что успею добраться до какого-нибудь селения, где Артемида не решится продолжить свою нелепую охоту. Хотя, с учетом их превосходства в скорости передвижения, с учетом того, что я остался без припасов, без оружия и даже без кальки эта надежда выглядела наивнее, чем ночные мечтания прыщавого юнца о какой-нибудь мисс мира.

Но кое-что все-таки осталось при мне. Я это понял, когда действительно вышел к притоке и, стоя на берегу, соображал, куда лучше двинуться, чтобы ловчее замести следы – вверх по течению или вниз, к Бикину, чтобы уже там воспользоваться его возможностями.

И тут в голову пришло, что необязательно шлепать куда-то по воде. Потому что в нагрудном кармане таежной куртки обнаружились герметично упакованные сигареты и красный молотый перец – те самые ингредиенты, что используются для приготовления индийского порошка, лучшего средства от идущих по следу собак. И сигареты, и перец были мной очень любимы, – каждый в своей области, – поэтому я и запаковал их в целлофан поплотнее. На случай дождя или незапланированного падения в воду – на скользких камнях да при сильном течении это вовсе не исключено.

Вынув и то, и другое, я быстро выпотрошил сигареты, всыпал табак в перец и тщательно перемешал их. В порошке остались обрывки сигаретной бумаги, но я этим не смутился – Артемида и не должна была думать, что постарался очень

тщательно замести следы. Пусть лучше недооценит меня, сочтя, что все делалось в страшной спешке и ни на что другое, даже на «подумать», времени не оставалось. В такой ситуации, как правило, избирается самый очевидный вариант, а им было бегство по ручью – вверх или вниз по течению. Но такая двойственность для преследовательницы с двумя псами будет легкоразрешимой задачкой.

Рассыпав порошок вокруг, я оказался у росшего на берегу двуствольного дуба, уже сильно покрытого листвой. Присыпав следы остатками смеси, положил целлофановый пакет в карман и полез наверх. Ветвей у дуба хватало, и сложностей, хоть и не был ни обезьяной, ни давешним лешим, я не испытал. Пристроившись на одной из них метрах в четырех от земли, постарался укрыться понадежнее и стал ждать развития событий.

И дождался – минут через пять, что оказалось даже раньше, чем я предполагал. С такой смешной форой нечего было и надеяться на удачный исход побега.

Псы, выскочившие на берег первыми, заметались у края посыпанной порошком поляны, быстро задрав морды повыше от земли и разочарованно поскуливая. Но, насколько я знал, индийская смесь неплохо отбивает и верхнее чутье, так что пока бояться было нечего.

Артемида появилась примерно через минуту. Налегке, с одним только луком. Стало быть, я не ошибся и псы не притащили ей карабин.

Она сразу поняла, что произошло. Окинула взглядом берег и с недоброй интонацией проговорила:

– Так! След присыпал. Вы, оба – живо к воде! Нюхайте ее. Но не пить! А то забьете нюх совсем…

Псы быстро оказались у ручья и стали жадно втягивать носом сырой воздух. Лакать воду даже не пытались – действительно умные твари.

– Что ж ты, Арес, так торопился, что даже бумажки не выбрал? – Артемида присела и, подобрав один из сигаретных обрывков, мельком глянула на него и небрежно отбросила в сторону. – Когда ты здесь прошел? Минут десять назад. Значит, недалеко ушел. Эй, красавцы! – Псы синхронно обернулись к ней, и она, ткнув пальцем в одного из них, приказала: – Ты иди вверх по ручью. Через пять минут переходи на другой берег и двигайся обратно. Если учуешь запах перца – проверь по окружности. Там должен быть его след. Тебе, – она перевела палец на второго, – такое же задание, только в направлении реки. Пробежишь минут десять по течению, потом переплывешь на тот берег и вернешься. Он еще не должен выйти из этой зоны!

Псы ринулись исполнять ее приказ, а Артемида, подойдя к берегу ручья, снова присела и приложила пальцы к земле.

– Нет, Арес! – пробормотала она. – Ты тут даже не десять минут назад прошел. Пять, не больше. От меня ты, может, и убежал бы, но псы твой след возьмут.

Я понял, что она обнаружила отпечаток ноги. Настолько

неприметный, что сам бы я его ни за что не нашел. Но ведь она не зря сказала, что я здесь не более чем гость, а у нее вся огромная жизнь с лесами связана.

И тут мне подумалось, что мое укрытие не такое уж надежное. Возможно, я неплохо спрятался от ее глаз за листвой, может быть, славно придумал со средством против собачьего чутья. Но ее лесные товарищи – местные лешие и духи – вполне могли меня заметить. И предупредить Артемиду. Ведь у них, насколько я понял со слов давешнего аборигена, сложились неплохие отношения.

Артемида все так же сидела на корточках у ручья, пристально глядя вверх по течению, куда умчался один из ее псов. Лук с одной стрелой лежал рядом на земле. Остальные стрелы были в колчане за правым плечом, но это неважно – что они без лука? А мне и одной хватит. И я прыгнул.

Несмотря на то, что свалился с четырехметровой высоты, она даже не потеряла сознания. Я просто уронил ее в воду, схватил лук со стрелой и, перекатившись по земле, принял сидячее положение.

Потом встал. Не оборачиваясь, поднялась и Артемида. Недовольно передернула плечами и сообщила мне вещь, которую я уже знал и без нее:

– Выходит, ты перехитрил меня, Арес.

– Конечно, – подтвердил я. – Я ведь хитрый и коварный бог войны. Кстати, именно твои родственники доказали мне под Троей, что на войне хитрость и коварство иной раз важ-

нее силы и доблести. Впрочем, ты сама все прекрасно помнишь – мы же тогда в одном лагере были.

– И что дальше? – она осторожно повернулась ко мне.

– Поговорим? – предложил я, на всякий случай накладывая стрелу на тетиву.

– Любишь поболтать с будущими жертвами?

– Обожаю. Между прочим, мне перед отправлением позвонил из Афин Прометей. Он разобрался со смертью Старика. Уверяет, будто это чистая случайность. Найдешь, что возразить?

– На эту чушь? Даже искать не собираюсь. Все это только слова. Если ничего лучше придумать не смог – лучше вообще промолчал бы.

Я скрипнул зубами, но на грубость не ответил – не успел. У ручья, метрах в тридцати выше по течению, мелькнуло что-то серое с подпалым. Возвращался пес.

– Прикажи ему оставаться на месте. Если придется стрелять, я не промахнусь. Я не так хорошо владею луком, как ты, но тоже недурно.

– Сидите на месте! – возвысив голос, властно произнесла Артемида. После такого приказа у меня самого возникло желание присесть на пятую точку, которое я, признаться, преодолел с немалым трудом. Серая тень, снова появившаяся в поле бокового зрения, послушно застыла. Возможно, пока невидимая для меня, где-то неподалеку застыла и вторая. Все-таки, приказ был обращен к обоим.

– А теперь сними колчан и брось мне под ноги. Я не хочу неожиданностей.

– Ты действительно хитрый и осторожный, да, Арес? – она медленно стянула с плеча колчан и так же медленно бросила его в мою сторону.

– Нет. Просто я не такой самоуверенный болван, как большинство обитателей Горы, и стараюсь предусмотреть все.

Это был камень в том числе и в ее огород. Но она решила на него не реагировать. Твердо посмотрела мне в глаза и сказала:

– Ну что ж, стреляй. Ты своего добился, добрался до меня.

– А я не хочу стрелять.

– А я не хочу разговаривать с убийцей. Так что стреляй.

– Что ж вы все такие упрямые?! – я рассердился. – Ты даже не представляешь, насколько тяжело мне было с вами общаться! Если что вобьете себе в голову – потом тараном не вышибешь. А когда я пытался свою точку зрения отстаивать, то сразу становился чужаком, неспособным прислушаться к голосу разума. Да откуда у вас голос разума? Много ли вы сами разумного совершили?! Ты просто пойми, что я с самого начала не собирался тебя убивать. Мне нужно только поговорить!

Горячность, с какой я выплеснул свое раздражение, заставила ее призадуматься. Во всяком случае, во взгляде появилось нечто вроде сомнения.

– Если это не ты убивал – тогда кто?

– Откуда я знаю?! Давай, я тебе на два момента укажу, может быть, они тебя убедят. Я воин, а не убийца. Я предпочитаю честный поединок лицом к лицу, а не нож в спину. Это раз. Второе. Если бы я был убийцей, то, живя во Владивостоке, начал бы с Афины. Да, у меня были напряженные отношения со Стариком. Да, Прометей тоже может ошибиться и принять хорошо спланированное убийство за случайность. Но моим главным оппонентом была Афина. Зачем бы я стал добираться за тридевять земель – и ладно бы, только до Зевса? Но при чем тут Афродита? И тем более амеба Аполлон? Извини, конечно, я понимаю, что вы с ним близнецы, но он действительно амеба. Нелогично, не находишь?

– Я знаю, каким был Аполлон, – огрызнулась она. – Я от него тоже не в восторге. Но, раз уж ты заговорил о логике… То, что ты объявился здесь и даже сумел меня разыскать – это, по-твоему, логично? Ведь ты не мог меня чувствовать.

Она явно осознала свою неправоту, но из чистого упрямства не хотела сдаваться. Все-таки, это у них семейное. Тот же Прометей, откормивший своей печенью орла до такой степени, что того впору было на царский стол подавать. Или Геракл, который предпочел вычистить Авгиевы конюшни, – не совсем подходящее занятие для героя, – но поражения не признавший. А ведь Геракл – наполовину человек и, по идее, должен быть вполовину менее упрямым. Но, раз уж мне удалось – в случае с Артемидой – сдвинуть дело с мертвой точки, нужно было продолжать.

– Может, и нелогично. Потому что тебя даже Шустрый Гера не нашел. Но я, на самом деле, не так уж много сделал. Я просто вычислил квадрат, в котором ты, с наибольшей вероятностью, могла находиться. Кстати, для человека, знакомого со стратегией, это не такая уж проблема. А я, согласись, разбираюсь в стратегии немножко лучше Гермеса, у которого одна бухгалтерия на уме. По поводу квадрата я оказался прав, а уж нашла меня ты, а никак не наоборот.

– А я тебя тоже не искала, – внезапно усмехнулась она. – Я пришла сжечь базу, и вдруг увидела, что там кто-то есть. Вот и решила дождаться утра, чтобы узнать – кто.

– Неплохой поворот, – я тоже усмехнулся. – Ну что – мир?

– Наверное, мир, – она умудрилась сказать это так неуверенно, что я не выдержал и расхохотался. Чем вызвал, ко всему, еще и приступ недоумения. – Ты над чем смеешься?

– Держи, – я протянул ей лук, поднял и передал колчан со стрелами. – Надеюсь, по назначению они нам больше не понадобятся.

– Так о чем ты хотел поговорить?

– Идея, в общем, довольно дурацкая, я с самого начала был против нее. Вернее, я был против того идиотизма, что предложил Шустрый Гера. Но потом Афина немножко модифицировала его мысль, и я, с грехом пополам, согласился.

– А что придумал Гермес?

– Он придумал, что нам нужно пробежаться по планете и предупредить всех, кто так или иначе имеет отношение к Го-

ре, о том, что происходит. Абсолютно бесперспективная затея, ты сама в этом убедилась. Когда мы только встретились, ты уже знала, что Старика, Аполлона и Афродиты больше нет.

– А что предложила Афина?

– Она предложила не просто предупредить, а выработать совместный план, как можно устроить убийце засаду или каким-нибудь другим способом остановить его.

– По-моему, тоже не самая лучшая идея, – скептически заметила Артемида. – Мне вот в голову ничего не приходит. И сомневаюсь, что придет что-нибудь Гефесту, Деметре или Гере. Мы ведь ничего об этом убийце не знаем.

– С этим действительно проблемы, – согласился я и, рассказав ей то, что знал о трех случаях, добавил: – Так что тебя он, скорее всего, постарается утопить. Хотя нет. Утопить – это вернее подойдет дядюшке Посейдону. Тебя он, возможно, зарежет или натравит диких зверей. Этих способов он еще не пробовал.

– Насчет диких зверей – пусть попытается, – Артемида мило улыбнулась, продемонстрировав ямочки на щеках. – И мы посмотрим, кого быстрее сожрут тигры. А что он сделает с тобой?

– Интересный вопрос, я им тоже задавался. Свою городскую квартиру я в меру сил обезопасил. Могу предположить два варианта: отравляющий газ или граната в окно. Но, поскольку на окнах плотные шторы, успешность использова-

ния гранаты стремится к нулю. Так что, скорее всего, отравляющий газ. Про остальных сказать ничего не могу. Возможно, крушение поезда, автокатастрофа… Это ведь разные виды гибели? Хотя с такой логикой, как у нашего врага, сказать наверняка невозможно.

– Тебе не кажется, что мы сейчас не способ засады обсуждали, а весьма мило развлекались? – она лукаво посмотрела на меня. Я пожал плечами – так оно и было. – Поэтому я и говорю, что идея Афины яйца выеденного не стоит. На такие вещи, как западня, Зевс был великий мастак. Мы перед ним – детский сад.

– Не забывай про Гермеса. Если мы – детский сад, то он, скорее, выпускной класс средней школы.

– Но он ведь тоже ничего не придумал.

– Не придумал. Тем не менее, я бы не стал сбрасывать идею Афины со счетов. Возможно, у кого-то и мелькнет здравая мысль. Хотя всех, конечно, вряд ли удастся найти. Того же Пана… В любом случае, у нас есть хороший шанс собрать побольше информации.

– Информация не помешает. – Артемида вдруг весело ткнула меня кулачком в бок. – А я в первый раз слышу, чтобы ты предложение Афины отстаивал.

– А я его в первый раз и отстаиваю. Потому, что сам ничего умнее пока не придумал, – признался я. – И от других тоже не услышал. Но кто знает, что будет завтра? Может быть здесь, наедине с природой, именно ты отыщешь реше-

ние проблемы. Кстати, на всякий случай, запиши мой телефон. Найдешь, откуда позвонить?

– Пробегусь до поселка, – она так легко произнесла это «пробегусь», словно здесь была пара километров, а не сотня, а то и полторы. – Только куда я его запишу?

– Стрелой на луке нацарапай, – предложил я. – Дождем не смоет, а лук ты ни за что не потеряешь. Кстати, я бы на твоем месте из леса пока не выходил. Здесь тебя каждое дерево защищает, сама понимаешь.

– Не каждое, – возразила она. – Этот дуб на твоей стороне был.

– Ты не ругай его. Он хорошему делу послужил. Ты лучше скажи – до конца сентября в тайге протянешь?

– Я здесь круглый год жить могу, – Артемида фыркнула.

– А зимой? Здесь, все-таки, не Греция.

– А зимнюю одежду уже обратно раздумали? И лыжи тоже?

Геракл

1

Мы слегка покусались с маленьким воришкой перед тем, как мне отправиться в Африку. В Африку хотел он, потому что шарахаться по Южной Америке ему не улыбалось. Ведь там – разные Колумбии, Перу и Эквадоры. Там дикие индейцы, длинные анаконды и много других страшных вещей. Гермес же всегда был трусоват – свои дела предпочитал делать исподтишка. Я отрыгнул пиво и хохотнул ему в лицо – мол, в Африке тоже есть Судан, Конго, Сомали и другие места, где человек с автоматом выглядит сильно умнее человека без автомата. А еще есть львы и крокодилы, а диких негров даже побольше, чем диких индейцев. Шустрый Крысеныш совсем перетрусил и предложил мне взять на себя и Африку, и Южную Америку.

Это было наглостью. Я разозлился и хлопнул по столу – ладошкой, а не кулаком, потому что стол выглядел довольно хлипко, и я боялся, что он развалится. Платить же за него штраф мне почему-то не хотелось. Но стукнуть Гермеса по башке я собирался именно кулаком – кто за такое говно будет штраф требовать? Только вмешалась Афина.

– Гермес, – сказала она, – ты представляешь, сколько времени нужно Гераклу, чтобы обойти и Африку, и Южную Америку?

– А мне – что, легче? – прохныкал он. – Обе Америки и Австралия – аж три континента на одного!

– Тогда отдай сандалики, – предложил я и еще подзаправился пивом.

– Ага, сейчас! – Шустрый окрысился. – Я их честно выменял!

Я заржал. Честность Гермеса – это как летающий слон. И смешно, и грустно. И никто никогда о таком не слышал.

– А раз честно, то тебе и карты в руки, – заключила Афина. – Северная Америка, Южная Америка и Австралия. Тем более что на своих сандалиях ты легко упорхнешь и от повстанцев, и от бандитов.

– Бандитов я не боюсь! – нахохлился Гермес.

Ясное дело, с чего бы он их боялся? В свое время их богом побывал. Общий язык быстро найдут. Этой фразе мелкого воришки усмехнулся даже Прометей. Собственно, сам спор на этом и закончился. Африка досталась мне.

Там я изрядно почудил еще в старые добрые времена, когда все мы числились обитателями Горы. Пески, варвары, верблюды – в общем, мне понравилось. Хотя тогда я не стал заходить вглубь континента. Я это сделал немного позже, добравшись с португальцами до побережья Анголы и пешком сбежав от них в Египет. Потому что повздорил с капитаном и

слегка убил его. Большая часть команды обиделась на меня, и их было слишком много, чтобы надеяться на благоприятный исход в случае схватки. А перспектива быть привязанным к пушке и потом продырявиться ядром как-то не грела. С дыркой в полтуловища смертны даже боги.

Черная Африка мне тоже понравилась, хоть и не так сильно. Джунгли, слоны и жадные негры. Слоны бывали даже миленькими, хотя иногда подкрадывались и трубили над ухом так, что голова готова была лопнуть. Жадные негры тоже показались неплохими ребятами – возможно, потому, что взять им с меня было нечего, кроме изодранных тряпок. А если кто-то все-таки клал глаз на эти лохмотья, его всегда можно было стукнуть по голове и пойти дальше. Но впечатление портили джунгли. Продираться сквозь заросли лиан и прочего кустарника было весьма утомительно. Кстати, именно из-за этого моя одежда за неделю превратилась в лохмотья. И большей частью из-за джунглей путь до Египта отнял целых пять лет.

Но – дело прошлое. Сейчас, отправляясь туда, я рассчитывал обойтись парой месяцев. Максимум – полугодом. Как-никак, а прогресс сделал изрядный прыжок вперед. Негры стали более цивилизованными и местами менее жадными, слонов поубавилось, а в джунглях кое-где появились дороги. Прогресс – великое дело, хотя слонов жалко. Мне нравились их уши. И хоботы.

Экипировка у меня была самая немудрящая – зачем лиш-

ний раз искушать черных братьев? Нож перочинный, нож охотничий – кушать-то в пути захочется? Бумажник с парой тысяч баксов наличными – в Черной Африке богатых стран нет, так что этих денег должно было хватить с лихвой. Мобильник брать не стал – джунгли не то место, откуда можно в любое время дня и ночи выйти на связь. Зато взял главное – четыре литровых фляги со спиртом. Чтобы в джунглях дезинфицировать организм. Потому что мало ли что. Все это добро легко уместилось в многочисленных карманах походного жилета-«разгрузки». Под него – камуфляжная футболка, ниже – такие же штаны. На ноги – берцы. Жарковато, конечно, будет. Запах пойдет совсем не шанель № 5. Зато никакая хренова кобра не прокусит.

Африка – самое то место для настоящих бойцов. Таких, как я. Мелкому жулику Гермесу там совсем делать нечего. Даже с крылышками на сандаликах. Поэтому перед отъездом я сказал своему отражению в зеркале: «Хо-хо!», и с легким сердцем отправился в путь.

Откуда начинать поиски, для меня вопросом не было. С верхнего течения Нила – и вглубь континента. Где-то там, в джунглях, болтался Пан со своим сбродом – сатирами и прочими. Козлобородого, конечно, нельзя отнести к настоящим бойцам, хоть он и отличался воистину козлиным упрямством. Но африканские джунгли и для него были самым подходящим местом, с этим спорить не приходилось.

Труднее было понять, почему именно в Африке обоснова-

лась Деметра. Разумеется, буйная растительность ей должна прийтись по нраву – как всякой богине земли и плодородия. Однако это расходилось с моим представлением об Африке, как о месте для настоящих бойцов. Деметра была бабой, а бабы бойцами не бывают. С тех пор, как вымерзли амазонки. Прости, Афина.

Потом до меня дошло. Я чувствовал, что Деметра обитает где-то на юге континента. А на юге располагалась ЮАР – самая богатая и самая белая из африканских стран. Где же Деметре еще обосноваться, как не в ЮАР? Все логично.

Однако начать я решил все-таки с Пана. Это была нелегкая задача, но я в своей жизни уже столько подвигов натворил, что одним больше, одним меньше – роли не играло. Поиски же Деметры обещали стать легкими. Мне даже неинтересно было за них браться.

Верховья Нила для меня начинались в Судане. А в Судане без автомата делать нечего. Собственно, в тех местах, где я собирался искать Козлобородого, тоже нечего было делать без автомата. Поэтому первым делом, добравшись до Малакаля, я сходил на рынок и за смешные доллары – всего сотню – купил себе «Калашников» и два магазина к нему. Автомат был старый и, полагаю, не единожды пользованный, но мне-то какая разница? Осмотр показал, что он вполне работоспособен, а это главное.

Продавец – араб, имевший за плечами лет сорок жизни и во рту два зуба зеленоватого цвета – быстро выхватил ку-

пюру из моих рук. Судя по скорости, с какой был проделан этот маневр, я сильно переплатил. Да и плевать. Но вот то, что он заметил в моей руке еще сотню (я специально заранее переложил две с половиной сотни из бумажника в карман, ибо братьев-арабов тоже искушать не собирался), было плохо. Но сделанного не вернешь. Поэтому, когда араб, обнажив в кривой улыбке два своих забавных зуба, дружелюбно спросил: «Зачем приехал к нам, друг?», я, почесав бороду под самым подбородком, не менее дружелюбно ответил:

– Орехи собирать, друг!

Зеленоватые зубы тут же исчезли, черные глаза приняли изумленное выражение. Но, похоже, торгаш быстро пришел в себя, потому что, когда я покинул его лавку, за мной тут же увязались два полудурка антисоциального вида. Готов поставить на кон зеленые зубы араба – им было известно о сотне в моем кармане.

Я сделал вид, что не заметил их, и они плелись за мной до самого выхода из города и даже немножко дальше. В конце концов мне надоел этот непрошенный эскорт, и я решил дождаться его, стоя за деревом.

Дождался. Они от удивления сильно стукнулись лбами и остались лежать за тем же деревом, а я пошел дальше, потому что у меня не было времени приводить их в чувство. Да и, кажется, им это уже не требовалось. Хо! Неплохое начало для нового подвига Геракла.

Говоря откровенно, я был согласен с Аресом, считавшим,

что наше путешествие бесполезно и целей, что мы перед ним ставили, не достигнет. Арес, конечно, редкостный зануда – примак, они все такие, – но у него есть два несомненных достоинства: он трезво мыслит и всегда говорит то, что думает. Именно поэтому я был с ним согласен. Но отказаться от приключения?! Тогда я не был бы Геракл.

Как ни странно, на границе с Джубой меня никто не встретил и не спросил, какого хрена я шляюсь с автоматом за плечом там, где негры выясняют отношения с арабами. Меня это слегка озадачило. Будь на моем месте Арес, он, как бог войны, нашел бы, что сказать, и его слова не понравились бы ни неграм, ни арабам. Но я не был бог войны. Я был всего лишь герой, которого возвели в божеский ранг, а потому спокойно пошел вперед, не снимая с плеча автомата. А если это никого не волнует, то я-то с какой стати суетиться буду?!

И потом целых четыре дня я шел вперед безо всяких приключений – даже скучно. Пару раз меня, правда, останавливали небольшие группки вооруженных негров, интересовавшихся, какого рожна белый вооруженный человек с бородой делает на их территории, но я сразу придумал себе легенду и отвечал гордо, с полным сознанием собственного достоинства: «Я иду охотиться на крылатого зверя Бодо!». Зверя Бодо я тоже придумал сам, но мой ответ оба раза произвел впечатление – меня пропускали дальше, даже соглядатаев вслед не посылали. Только в спину смотрели жалостливо: бедный свихнувшийся белый. Смерти искать идет. Ну и пускай идет.

Нам ли его останавливать?

Я продолжал путь. Дорога и в самом деле наличествовала, хотя на дорогу походила мало. Но, во всяком случае, лианы при ходьбе не мешали, а с двух сторон шли две колеи. Короче, по-любому дорога.

Так я дошел аж до границы с Угандой. На самом деле, я не знал, где эта граница находится. Я вообще не был уверен, что сумею ее определить. Африка в этом смысле весьма своеобразна. Видимо, понятие «контрольно-следовая полоса» – понятие, совершенно чуждое африканскому менталитету. За комментариями опять же к Аресу, потому что КСП – это по его ведомству. Хотя он вряд ли станет что-то комментировать, потому что давно отошел от дел.

Шагая по этой убитой дороге, я внимательно таращился вперед. Если граница хоть как-то обозначена, то там должен быть хотя бы шлагбаум или домик для пограничников-таможенников. Но ничего подобного не наблюдалось. И я решил, что либо граница не обозначена вообще, либо ее не охраняют, потому что нафиг никому не нужна.

Я ошибся. Граница, может, и не была обозначена, но ее охраняли. Передо мной неожиданно выросли трое, одетых по форме. Двое – судя по всему, подчиненные – держали карабины. Третий, в кричаще оформленном, – правда, в стиле «сделай сам», – кителе, был явно офицером и командиром группы. На его шее болтался автомат.

Поскольку дорогу они мне перегородили, пришлось оста-

новиться.

– Ну? – спросил я. Хотелось объяснений. Мало ли, что они в форме. Может, дезертиры из армии какой-нибудь Буркина-Фасо. Сбежали к черту на кулички и живут теперь разбоем.

– Лейтенант Гамадрилло! – козырнул офицер. Он верно истолковал мои сомнения, и даже продемонстрировал не то жетон, не то удостоверение – я даже рассмотреть не успел, что это было, настолько быстро загадочная штуковина снова исчезла в нагрудном кармане его кителя. – Пограничная служба Уганды. Куда это мы направляемся с автоматом?

– Ищу крылатого зверя Бодо! – страшно вытаращив глаза, произнес я привычную фразу.

– Это не в Уганде, – бесстрастно возразил Гамадрилло. – Сафари проводятся в Кении. Шагай к Намурупуту.

Мне подумалось, что все складывается не так уж плохо. Вернусь километров на пять – и обойду пост стороной. Я не очень горел желанием сходить с дороги, потому что Южный Судан оказался неожиданно богат на какие-то почти джунгли, но это был лучший выход из положения. И я повернулся к пограничникам спиной, чтобы воплотить свой план в действие.

– Стоять! – негромко сказал Гамадрилло. И, главное, удачный момент выбрал – у меня не было глаз на затылке, и я понятия не имел, целятся в меня служивые, или шары между ног гоняют. В любом случае, рисковать не стал. Остановился

и застыл, неподвижный. – Ты ведь все равно уже на территорию Уганды зашел, – вкрадчиво продолжил Гамадрилло, – а раз так, то давай-ка посмотрим, с чем ты сюда зашел. Сними автомат и брось его под ноги. А потом поворачивайся к нам.

Я не стал спорить. Я герой, но не безумец (хотя был и такой эпизод в моей биографии). Бросил под ноги автомат и медленно повернулся. Но руки поднимать не стал – приказа не было, а преждевременная капитуляция не в моем стиле.

Лейтенант Гамадрилло пристально всматривался мне в лицо, стараясь понять, испугался я или нет. Не испугался. Что ж, хреново, но не смертельно.

– А теперь вытащи все из карманов. Проверим тебя на контрабанду.

Хо! Автомат, получается, не контрабанда?!

Я медленно принялся опустошать карманы штанов и разгрузки. Нож охотничий, нож перочинный, сто пятьдесят баксов, четыре фляги со спиртом… Бумажник с остальными деньгами был упрятан в берцы. Неудобно, но, до поры, до времени, надежно.

– Это все? – недоверчиво спросил лейтенант.

– Ага.

– А сигареты? Наркотики?

– Извини, дома забыл.

У него был такой расстроенный вид, что я ощутил легкий укол стыда, хотя вообще-то мне это не свойственно. Последний раз подобное чувство посещало меня, когда я чистил ко-

нюшни у Авгия.

– Что во флягах? – Гамадрилло постарался быстро взять себя в руки, но его кожа, и без того более бледная (видимо, сказывалось присутствие европейской крови) побледнела еще больше, выдавая внутреннее волнение.

– Спирт.

– Спирт – контрабанда! – немедленно отчеканил он, возвращаясь к своему естественному цвету. – И доллары – тоже контрабанда. В Уганде имеет хождение только наша валюта.

– А ножи?

– Охотничий – контрабанда. У тебя ведь нету угандийского разрешения на его ношение?

– Просрочено, – ухмыльнулся я. – Что на счет автомата, жилета, другой одежды? У меня трусы фирменные, от Дольче и Габбана.

Теперь Гамадрилло потемнел. Он считал, что я не имею права упражняться в остроумии, когда меня так беззастенчиво грабят. Я считал иначе, но сообщить об этом не успел, потому что события вдруг приняли неожиданный оборот.

– Это наша территория, Андрэ, – раздался за моей спиной ленивый голос. Трое пограничников, а по совместительству – таможенников и грабителей, до того гневно пялившихся на меня, подняли глаза, чтобы посмотреть, кто помешал им разделывать честного путника. Мне тоже было интересно, и я обернулся.

Метрах в десяти, у обочины дороги, стояли еще пятеро

вооруженных негров. Вернее, стояло четверо, а один сидел на корточках и с безразличным видом курил сигарету. Одеты они были, кто во что горазд и, в отличие от пограничников, поголовно вооружены «Калашниковыми». Никто не целился в опешившего Гамадрилло, но автоматы были в руках и, возникни перестрелка, ее исход станет ясен еще до того, как прозвучит первый выстрел.

Гамадрилло дослужился до лейтенанта, а значит, был не совсем тупицей. Он понял, что сопротивление бесполезно, и только раздраженно буркнул:

– Черт побери, Лу! Это опять ты…

Лу – очевидно, главный в группе, не стал отрицать очевидный факт, только напомнил:

– Это наша территория. Ты все время забываешь об этом. Уходи.

За спиной послышались шаги. Я оглянулся через плечо и увидел, что пограничники понуро удаляются. Первым, как и положено командиру, снова следовал лейтенант. Только на сей раз он выглядел не так браво. Даже яркие нашлепки на кителе поникли и потускнели.

– Отлично исполнено, Лу, – я снова повернулся к группе с автоматами. – Это были не пограничники?

– Пограничники, – усмехнулся он. – Только до границы еще две мили по прямой. По дороге – так все четыре будет. И не лень ему туда-сюда мотаться? Ведь знает, что попадется. В который раз уже попадается. И все равно идет. Ног, что

ли, не жалко? – Лу пристально посмотрел на меня и доверительно сказал: – Понимаешь, не люблю, когда он на моей территории грабит прохожих.

– Разделяю, – искренне согласился я. – Тоже не люблю, когда меня грабят на твоей территории.

– Ну, – Лу снова широко улыбнулся. – От этого тебе все равно никуда не деется. Эй, ты, грязный ниггер, сходи, забери у него автомат. – И тот, что сидел, получил ласковый пинок под зад. После чего встал и с нескрываемой ленцой побрел ко мне.

Я снова почесал бороду. Кажется, «грязными ниггерами» негры друг дружку в Америке называют, нет? Или прогресс уже сюда докатился? Черт, в таких местах, как Южный Судан, с прогрессом всегда непонятки – то ли докатился, то ли нет? А если докатился – то во благо или во зло? Из постоянных оставалась только жадность черных братьев. Прежде за полпуда бусинок и блестящих железяк у какого-нибудь вождя можно было легко наменять себе выводок первоклассных рабов. Нынче Африку бусами и блестяшками затоварили, нынче, кажется, здесь спрос на автоматы, спирт и зеленые деньги. Нахрена, спрашивается, грязному ниггеру спирт и зеленые деньги? Автоматы еще туда-сюда… Все дело в жадности, говорю же.

А вот я не жадный, мне на баксы и автомат как-то плевать. Но со спиртом расставаться не хотелось. Сугубо из практических соображений. Африка, черт побери – родина слонов,

малярии, сонной болезни и разного прочего триппера. Без спирта в Африке совсем никак. Я пробовал, мне не понравилось. Поэтому сейчас попытался договориться. Хотя, признаться, разговорная дипломатия – не мой жанр. Вот Крысеныш – тот бы преуспел. А мне проще кого-нибудь по башке стукнуть. И времени меньше отнимает, и гораздо доходчивее получается. Только у негров были автоматы, а мне очень не хотелось расставаться со спиртом. Волей-неволей пришлось работать ртом. Чертов прогресс! Прежде-то от копий и топоров можно было любым дрыном отмахаться. С автоматами такая халява не пройдет. Автомату на все эти подручные средства – чихать и кашлять. В буквальном смысле. Тем более, когда таких автоматов пять штук.

– Слышь, Лу, – я прочистил горло и перешел к делу. – А может, поделимся? Я тебе баксы из чистого человеколюбия уступлю. И автомат. А ты мне спирт и нож оставишь. Мне ведь еще крылатого зверя Бодо выслеживать. Сам понимаешь – как я без ножа со спиртом?

– Это нечестная дележка, – отозвался он.

– А какая будет честная?

– Автоматы и доллары – мне. Нож со спиртом – тоже мне. Ты ведь на моей территории своего крылатого зверя выслеживать будешь, да? Траву потопчешь, зверей распугаешь. За это платить надо, мой белый друг. А у тебя, я смотрю, еще и башмаки ничего. И одежка хорошая – карманов много. Это все ты тоже мне отдашь. Мне карманы нужны.

Я сообразил, что договориться не получилось. И еще раз обругал прогресс. Если бы не автоматы, я бы Лу, со всеми его ребятами, под орех разделал. Они, конечно, были здоровые – в верховьях Нила всегда водились исключительно здоровые парни, – но даже все впятером на одного Немейского льва не тянули. А тому я, помнится, пасть порвал. Хотя, по совести, снабди льва хоть одним «Калашниковым», и пасть была бы порвана у меня. Но у льва автомата не было. Зато они были у Лу и его бандитов. Поэтому относиться к ним нужно было бережно и нежно. Например, придумать что-нибудь. С этим делом у меня тоже всегда было туговато – почти как с переговорной дипломатией. Но все же лучше. Если бы не смекалка, например, я бы до сих пор у Авгия в конюшнях говно лопатой месил. Бр-р.

И я принялся изобретать хитрый способ оставить у себя спирт, а если повезет – то и все остальное. Главное – добраться до черных братьев. В рукопашную-то я всех негров на свете переломаю. Еще и папуасов прихвачу – за то, что они одного с ними цвета. Я не расист. Просто не люблю, когда у меня за просто так спирт отбирают.

Лу, кажется, просек, о чем я думаю. Потому что длинно сплюнул себе под ноги и окликнул посланца, который был настолько ленив, что все еще до меня не добрался:

– Эй, Коча! Ты ему первым делом по башке стукни, чтобы вырубился. А то он здоровый, как слон. Раздавит тебе череп двумя пальцами. Ни к чему это. Ты мне еще пригодишься.

Коча деловито кивнул, сделал несколько на удивление быстрых шагов вперед и стукнул меня прикладом автомата по макушке. «Калашников» рассердился и пару раз бабахнул. Коча, державший оружие за ствол, обзавелся двумя запасными дырками в голове и быстро умер. В этом месте я сообразил, что мне подобный расклад очень на руку, и сделал вид, что от удара потерял сознание. Пусть думают, что Коча не зря прожил последние секунды своей жизни. Теперь кому-то из них, – а может, и всем сразу, зависит от коллективной тупости команды, – придется подойти ко мне, чтобы произвести выемку автомата, зеленых денег и прочего добра. Потому что специально отряженный для этого человечек у самого финиша поломался. А Лу, скорее всего, не обладает способностью оживлять мертвецов. А даже если обладает – для этого ему все равно нужно оказаться рядом с Коча. То есть, на расстоянии моей вытянутой руки. Забрезжила неплохая перспектива сохранить для себя спирт и прочее обмундирование.

– Во придурок! – в момент падения я слегка выпустил Лу из поля зрения, и его удивленный голос прилетел откуда-то со стороны. – Жил, как придурок, и помер, как придурок. Лучше бы его вчера лев сожрал, когда он к его лежке срать пошел.

– Не, – возразил кто-то из черной команды. – Если бы его вчера лев сожрал, то он бы сегодня этого бугая не вырубил. Он же его вырубил, да?

– Так, я думаю. Или вообще грохнул. С такой силой по башке хрястнул, что приклад лопнул. Тут бы и слон вырубился. А я б на месте автомата тоже стрелять начал. Эй, Сонга! Ты стонал, что ногу проколол? Смотри, какие башмаки. Будешь в них ходить, пока не заживет. А куртку я себе возьму. Мне столько карманов – в самый раз.

– На фиг мне эти башмаки? Они здоровые, как у слона задница. Я в них утону.

– Поговори мне еще! Я тебе честную долю добычи предлагаю. Или ты на спирт свою черномазую губу раскатал? Ну, так успокойся. Спирт будем пить только по моей команде и только все вместе.

Я лежал, слушая их ленивую и абсолютно бестолковую перебранку. Голова побаливала, но не так, чтобы очень. Лопнувший приклад автомата наполнял мое тело гордостью. Значит, кой на что еще гожусь. Вот только болтовня черных братьев стала надоедать. Гордиться крепостью черепа в лежачем положении было неудобно. Хотелось поторопить Лу. Я с трудом сдерживался. Но молчал – чтобы не выдавать себя. И даже не шелохнулся, когда какой-то не то москит, не то термит укусил меня в ляжку. Люди, которых огрели прикладом автомата, на такие мелочи не реагируют. Я, конечно, не человек, я – Геракл, но Лу и его ребятам об этом знать ни к чему.

А черномазые бездельники не торопились. Ни хрена за прошедшие столетия не изменилось в их поведении. Как с

основания времен привыкли лежать под пальмой и ждать, пока банан сам в рот свалится, так до сих пор и лежат. Ну, а к чему в таком деле суета? Лишняя трата калорий. Жопу в горсть собирают, только когда рядом лев рычать начинает. Но лев, за которого нынче я, лежит бездыханный, и ничто не мешает ждать банана.

Так они ни до чего и не договорились. Сонге не нравились мои башмаки (знал бы он, скотина, какая сумма денег в них заныкана – оторвал бы вместе с ногами), еще кому-то – штаны (тоже, видите ли, размер великоват; а ушить, мать его – так мы, самцы, отродясь не знали, с какой стороны иголка в нитку вдевается). Одного Лу все в моем снаряжении устраивало. Поэтому в итоге он плюнул, взял кого-то за шиворот и силком потащил делить добычу.

На всякий случай они сделали вид, что охотники опытные, и пнули меня в бок – проверяли, стало быть, сдох лев или втирает им очки. Я бы на их месте из автомата выстрелил – одного патрона не жалко, зато львы от очковтирательства навсегда излечиваются. Они сделали по-своему; что ж. Я сделал вид, что лев все-таки сдох. Правда, пинавший ушиб ногу об мою печень, от чего начал охать и кряхтеть – так это поделом. Говорю же – из автомата вернее было бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.